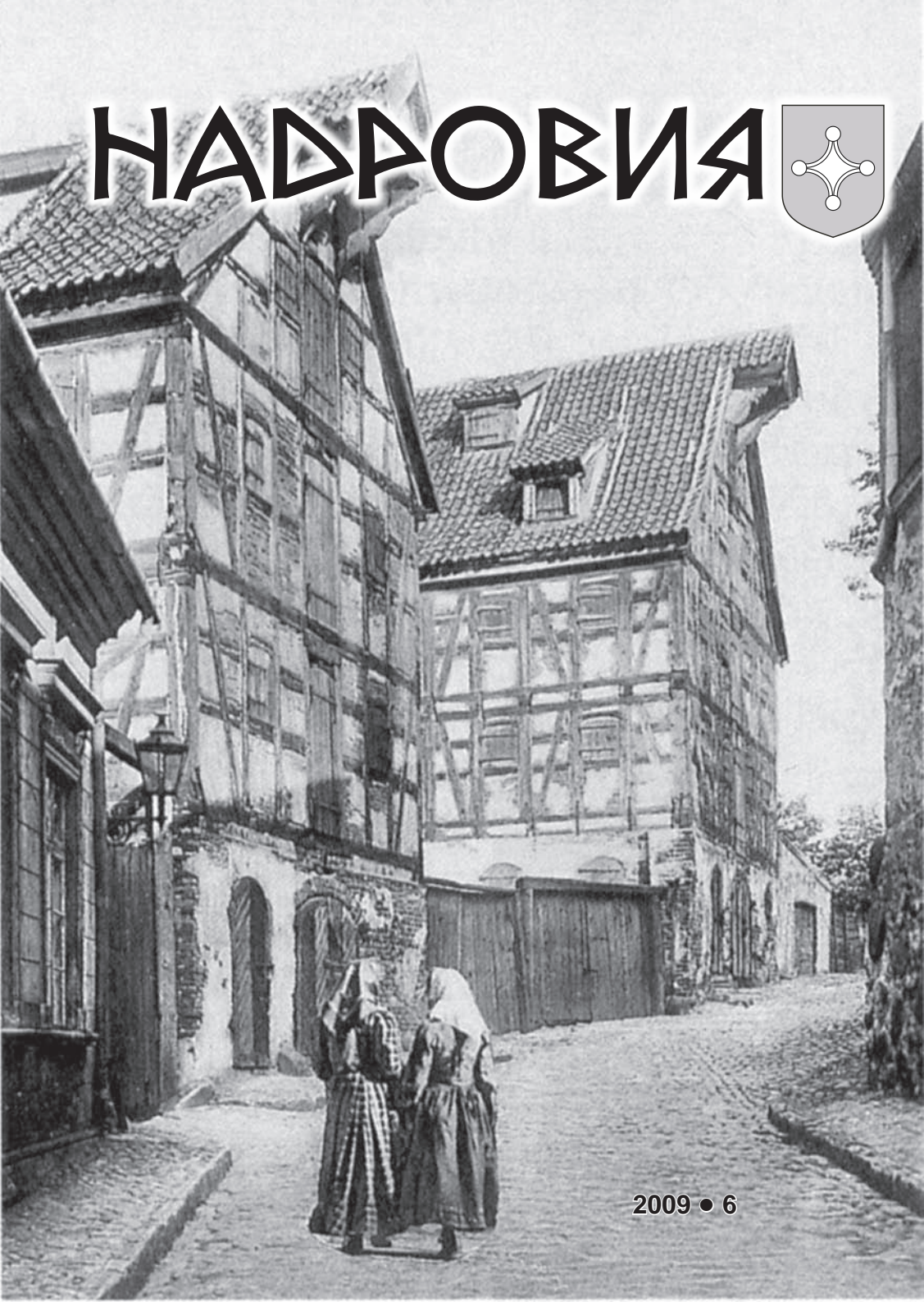

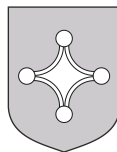
НАДРОВИЯ

НАДРОВИЯ

Историко-краеведческий журнал

2009 • 6

Замок Инстербург. Жилая пристройка с лестницей. Фото: Курт Фрерихман. (Снимок представлен НКО «Фонд "Дом — Замок"» редакцией журнала «Инстербургер бриф».)

К ЧИТАТЕЛЯМ

Дорогие друзья!

Так уж случилось, что этот номер журнала «Надровия» увидел свет много позже предполагавшегося срока. Не будем вдаваться в объяснения причин сего факта. Мы рады тому, что выпуск журнала продолжается, несмотря ни на что.

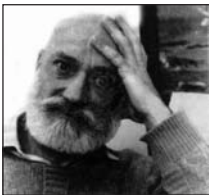
Большую часть материалов, подготовленных к печати еще в ту пору, мы оставили в номере, полагая, что своей ценности они не утратили. Это, в первую очередь, статья Михаила Гусакова (ИА РАН) о проблемах современной археологии и отношения к судьбе историко-культурного наследия, к деятельности так называемых «черных копателей», которые в погоне за тем, что «блестит» и стоит, по их понятиям, больших денег, уничтожают памятники истории, оставляя после себя «только “разбойничьи” ямы и бесконечные отвалы земли». В результате нарушается и разрушается культурный слой и безвозвратно утрачивается то, что для «черных копателей» ценности не имеет, а для науки является источником достоверного знания о жизни и быте, способах хозяйствования и существования человека в отдаленные эпохи. Эта статья еще и дань памяти Геннадию Разумному, ушедшему из жизни в 2003 году.

Мы помещаем в этом выпуске журнала и материалы 8-й конференции в замке Инстербург, посвященной прусскому периоду земли Надровия, — выступления археологов, преподавателей РГУ имени И.Канта, краеведов Калининграда и Черняховска (место работы и должности авторов указаны на момент их участия в конференции). Речь в этих докладах и сообщениях идет об археологических исследованиях древнепрусских поселений на территории восточной части Калининградской области, о попытках реконструкции таких поселений, об истории так называемого «Судавского угла» на Самланде, о языке, верованиях и судьбе древних обитателей нашего края. Член Калининградского клуба краеведов Алексей Лалэко поднимает вопрос об отношении СМИ к истории и краеведению и приводит ряд примеров, мягко говоря, небрежного обращения с историческими фактами, когда информация, деформируясь, превращается в «дезинформацию». И пусть события, о которых автор говорит как о предстоящих, уже в прошлом (в частности, празднование 750-летия Калининграда-Кенигсберга), суть сказанного им не потеряла своей актуальности.

Читателей ждет знакомство с новыми главами исторической повести Михаила Гусакова «Витальеры», переносящей нас к рубежу XIV-XV веков.

В оформлении мы использовали материалы, предоставленные как самими авторами, так и добрыми знакомыми из Общества инстербуржцев в Крефельде, Музея Вармии и Мазур в Ольштыне, Музея истории в Черняховске, Черняховской городской библиотеки. Благодарим за консультационную помощь А.И. Бартникаса, преподавателя Калининградского регионального индустриально-педагогического колледжа, и А.В. Кленового, руководителя ИКО «Белый Ворон».

Редколлегия.

ПРОШЛОЕ — НАСТОЯЩЕЕ: ПРОБЛЕМА, ПОИСК, РЕШЕНИЕ

Михаил ГУСАКОВ,
кандидат исторических наук,
научный сотрудник отдела охранных раскопок
Института археологии РАН

АРХЕОЛОГИЯ, XXI ВЕК

Причины, побудившие меня сесть за статью для журнала «Надровия», вызваны, по меньшей мере, несколькими обстоятельствами. Первое — это долгие разговоры с Геннадием Разумным, когда я приезжал в Черняховск, об археологии, об истории — как общей, так и частной, касающейся истории округа Инстербург. Второе — это мои такие же долгие и упорные разговоры с Анатолием Бахтиным, особенно на тему «Камо грядеши?» — «Куда мы идем?». В 2003 году Разумный покинул этот мир. Когда-то я обещал ему, что сумею выкроить время и попробовать написать о том, что нас волновало, волнует и, может быть, еще будет волновать, — если это с нами происходит, значит, мы не потеряли эту способность и, надеюсь, не потеряем и в будущем. Итак, я возвращаю свой долг; жаль, что Гена этого не увидит, — впрочем, как знать?

За последние 10-15 лет дискуссия, развернувшаяся в средствах массовой информации «о судьбе и историческом пути развития России», едва ли не ввергла массовое сознание в «неверие и апатию», особенно по отношению к историческим и духовным завоеваниям, которые были достигнуты и осознаны за предыдущие 50 и более лет. Обозначились даже тенденции: первая — «раньше было лучше, чем сейчас»; вторая — «сегодня делается всё не так, как нужно». Историческое будущее страны виделось либо в «мрачных тонах», либо в неясных и неопределенных контурах, а в сознании народа исподволь накапливалось ощущение «обиды» за безволие и «нерадивость» государства («державы») и его правящей элиты в решении кардинальных вопросов управления такой огромной страной, как Россия. К сожалению, негативную роль сыграло тенденциозное, доктринальное понимание (или непонимание) наукой отечественной истории, толкование исторических событий в зависимости от часто менявшейся политической обстановки, а подчас и просто их замалчивание, без какой бы то ни было попытки дать им объективную оценку. Не вдаваясь в сложности отечественной истории, посмотрим на исторический процесс глазами археолога, который может оперировать историческими фактами начиная с эпохи мезолита (от 10000 лет) и вплоть до событий недавнего прошлого (XIX век уже входит в сферу археологических интересов). Так вот, динамика развития популяций (человеческих сообществ), проживавших на данной территории (я имею в виду как всю Россию, так и её обособленную

часть — Калининградскую область) в чрезвычайно тяжелых обстоятельствах климата и географического ландшафта, свидетельствует о тенденции более к выживанию, чем к деградации. И археология, как историческая наука, позволяет измерить эту позитивную динамику популяции.

Несколько замечаний по конкретным темам, связанным с перспективным развитием археологии как отрасли исторической науки, или о том, чего у нас пока нет и что нам нужно решать. Первое — отсутствие единого археологического координационного центра (в советское время таким центром был Институт археологии АН СССР); второе — отсутствие четко сформулированных и однозначно понимаемых юридических и правовых форм защиты недр страны от посягательств на являющиеся государственной собственностью археологические памятники и объекты истории и культуры как прошлых эпох, так и недавнего времени (до Второй мировой войны).

В связи с этим нелишне будет напомнить, что представляет собой сегодня археология как автономная (самостоятельная) отрасль истории. Уже много лет длится спор о том, в какой мере археология способна освещать исторические проблемы, и более того — является археология исторической или естественной наукой. Не вдаваясь подробно в детали этой дискуссии, скажем, что археология сегодня давно перешагнула за рамки «вещеведческой» науки и утвердила за собой право серьёзной академической, которой по плечу решение не только конкретных задач, связанных с древнейшей историей человека в так называемый «дописьменный» период, но и подтверждение исторических фактов, отраженных в письменных источниках. При субъективности письменных источников только археология позволит осуществить объективное сопоставление разных культур и цивилизаций, сосуществовавших или сменявших друг друга. Сегодня история древнего мира, античности и даже средневековья может быть раскрыта только при полном и плодотворном сотрудничестве с археологией. Есть ещё одно обстоятельство, выгодно отличающее археологию от своих «старших сестёр», истории и этнографии, — это полное отсутствие политической ангажированности и зависимости от политических настроений и предпочтений народа, групп людей или общественных организаций. Археология дает извлеченную из земли информацию, как она есть, и оформляет её при помощи своих методов в виде объективных отчетов, чертежей и описи вещевого материала. Здесь важно отметить главный факт: после работы археолога на памятнике полученная научная информация поступает дальше, в архив и в музей. К сожалению, вся ценная информация бесследно исчезает и уходит от исследователей-профессионалов, когда раскопки ведутся «случайными» людьми или просто «грабителями». За последние 10 лет процент «участия» в «раскопках» со стороны авантюристов «от археологии» стал весьма значителен, а подчас положение дел просто трагично: после подобных «вторжений» памятник истории как таковой перестает быть, от него остаются только «разбойничьи» ямы и бесконечные отвалы земли. За примерами не нужно далеко ходить — достаточно посмотреть, что творится на местах, где раньше велись раскопки как в «немецкую», так и советскую эпоху. Мне скажут, что археологи сами виноваты, но подобный упрек я отрицаю как выражение «упертого»

невежества. Хорошо, тогда давайте не будем ничего делать, оставим всё ребятам, которые бегают по полям с миноискателями, — пусть наживаются эти «гробокопатели» без чести и совести. Количество таких «неопознанных кладбищ» увеличивается с каждым годом во много раз в сравнении с тем, что успевают копать археологи. Количество «беспаспортного» археологического материала, выброшенного на «блошинные» рынки, огромно и не поддается измерению. Из-под государственного надзора уходит ценная и невосполнимая информация, уходит история страны, история её народа, его прошлое и настоящее. Грабители просто обнаглели и делают «своё черное дело» почти открыто. Пребывание в бездействии — преступная халатность или просто невежество и небрежение не только к своему прошлому и настоящему, но и к будущему. Музеи мира пополняются уникальными находками, а наши, с позволения сказать, «службы» даже не в состоянии остановить этот поток уходящих из страны культурно-исторических ценностей. Но то, что делают грабители, или, как их ещё называют, «черные археологи», — это грабеж у ГОСУДАРСТВА, или грабеж государственного имущества, а на сей счет есть достаточно много статей уголовного кодекса, чтобы вполне грамотно квалифицировать подобную деятельность и оценить меру ответственности за содеянное. Правда, и в этих случаях есть момент справедливости, но это из разряда «Божьего суда». Мне часто приходилось слышать за годы моей археологической службы, что «мертвецы наказывают за вторжение в свой мир»: то молния кого-то ударит, то землей засыплет, то какая-то напасть привяжется. Из археологического опыта добавлю, что грабители могил были и в древности, и археологи не раз находили грабителей, засыпанных землей, особенно в скифских курганах. Однако «наказание» или торжество справедливости — это, может, и хорошо, но вещи уходят безвозвратно, что очень печально.

На сегодняшний момент положение дел в области развития духовной культуры состоит в том, что государство, в лице его правящей элиты, не выработало продуктивной идеи, свободной от политических предрассудков и религиозных предпочтений; это особенно трудно сделать, опираясь только на принципы практицизма или исторические модели европейской культуры. Европейский или любой иной исторический опыт, может быть, и полезно знать и иметь в качестве ориентира, однако мы должны исходить из исторического опыта нашей страны. В связи с этим представляется целесообразным строить идеологическую концепцию не на основе изучения «спорных» и «болезненных» исторических контекстов (это необходимо знать, но надо расставить иначе акценты), а на основе объективных критериев, разработанных современной археологией, которая является объективным источником для всех многочисленных народов, населяющих огромное евроазиатское пространство в современных границах России.

Огромный, невосполнимый урон отечественной истории нанесли бесконечные войны, прокатившиеся по России в XX веке. Погибло много памятников (я не говорю о людях) — как вещественных, архитектурных, исторических, так и археологических. Не меньший урон был нанесен строительством и экстенсивным ведением сельского хозяйства (распашки, увеличение полей, сведение

лесов, строительство гидроузлов, осушение болот и так далее). У археологических памятников России, в подавляющем большинстве случаев, — малый культурный слой. Инвентаризация памятников культуры и истории началась ещё в довоенные годы, но средства были слишком малы, а территория огромна, и освоить это пространство со столь малыми силами не было возможности. К примеру, в России, площадь которой — 17075 тыс. кв.км, археологов — 500 человек, максимум, тогда как в Польше, с ее площадью в 312 тыс. кв.км, археологов — около 3000 человек. Крупные проекты, такие как ЯмалГаз, Нефтепровод и так далее, плюс промышленность требуют значительного увеличения профессиональных кадров. Пока их нет.

Особенность древней истории России заключается ещё и в том, что плотность населения была слишком мала, поэтому от древних эпох остается не так много памятников, особенно в результате деятельности человека сегодня. Своды памятников археологии, которые выходят с середины 70-х годов прошлого века, стали «руководством» для грабителей. Продажа металлоискателей стала продажей инструментов для авантюристов.

Не меньший урон нанесли, прежде всего, сознанию людей «упражнения» в отечественной истории «дельцов от истории», опирающихся, как правило, на отсутствие письменных источников (в отличие от Европы). Как следствие — спекуляции, «научные» и не-научные: пример с псевдоакадемиком Фоменко, «Велесовы книги», «Россия — родина атлантов, гипербореев» (Петухов) и так далее, — что ведет к нигилизму и активизации всякого рода «патриотических» неофашистских обществ. В результате — отставание и деградация духовного сознания в обществе, непонимание уникальности каждого объекта. Нацизм, мистицизм и псевдомессианство — вот три кита невежества и духовного убожества, порождённые неверно ориентированным преподаванием истории. У нас, как правило, преподавали историю как историю отдельно взятой страны — России (СССР); что происходило за пределами страны, было на втором плане. Подобная установка привела к тому, что создавалось предвзятое представление, будто отечественная история доступна всем. Все знают историю. На самом деле история — такая же профессиональная наука, как математика, медицина и любая другая. С этим, не в последнюю очередь, связана проблема образования в школе и университете.

Нарочитая «тенденциозность» была свойственна отечественной истории не только в «советский период», но и в «царский». Надо прямо сказать, что начиная с эпохи Петра I русская историческая традиция прочно встала на позиции государства, обслуживая его политические установки (доктрины), будь то «имперская» или «советская». И в этом нет ничего удивительного. «Написанные» истории, от Кантемира до Иловайского (царская) или от М.Н. Покровского до А.Н. Сахарова (сюда можно отнести и Ю.Н. Афанасьева), страдали одним общим недостатком: это «истории» политических и экономических взглядов правящей элиты, но никак не история страны. Критическое, непредвзятое отношение к фактам в отечественной истории едва ли насчитывает короткие отрезки времени между периодами господства государственных доктрин. В этом смысле мы сильно отстаём от Европы.

Конец XX века, с его попыткой внести «ясность» за последние 70-80 лет, оказался малопродуктивен. До сих пор тиражируются старые и «замшелые» идеи и теории, ничего общего не имеющие с действительностью. Немудрено, что на книжных рынках получила широкое распространение «версия новой истории России» Фоменко, что лишний раз доказывает факт «понимания истории» учеными-естественниками, от Е.А. Велихова до С.П. Капицы (академики), допустившими эту «околесицу» в жизнь или способствовавшими её распространению в народе. «Историю России» бросало из стороны в сторону, от гиперболизации русской действительности до абсурдного и неоправданного принижения её пути развития. По-видимому, настал момент, когда надо писать «новую», современную историю страны.

Собственно русской государственности — 300 лет, — столько же, сколько и её исторической науке. Для сравнения, историческая наука Европы ведет свою родословную от Древней Греции (с V века до н. э.). История же России, плотно сопряженная с историей Европы, когда Европа непосредственно столкнулась с Россией-государством, на самом деле началась с «Великого посольства Петра». Россия оказалась между двумя полюсами — Европой и Азией, — равно удаленной от древнейших, изначальных центров цивилизаций. В некотором смысле Россия — «молодая» страна, и ей предстоит пройти весьма значительный исторический путь, который многие страны Европы уже прошли. Нам есть куда идти и куда расти.

Отсюда простой вывод: нет смысла посыпать голову пеплом, как нет смысла усиленно приукрашивать несуществующие достоинства. В связи с чем мы должны (и можем) опереться на объективный источник, каковым и является археология, оперирующая материалами от эпохи палеолита до новейшей истории. Недаром в советские времена бытовала поговорка, что археология — наука «домарксова» периода, то есть свободная от политических пристрастий.

Последние 10-12 лет в истории страны породили ещё одну немаловажную проблему для археологии. Речь идет о праве археологов вести раскопки на памятниках, оказавшихся в частной собственности. Раньше всё было предельно просто: всё принадлежит государству. Сегодня частная собственность на землю и имущество простирает свою власть и на право распоряжаться, внутри этих частных анклавов, бесконтрольно всем тем, что там находится.

Встаёт вопрос: кто владеет «ископаемыми» ресурсами духовной культуры, кто субсидирует раскопки и кто, в конечном счете, становится собственником исторических «вещественных» памятников?

«Олигархи» в период капитализации народного хозяйства завладели не только недвижимостью в стране, но и её недрами. На самом деле, может быть, это и не так плохо, но доля и роль государства ничтожно малы. Управление и участие государства в процессе эксплуатации ресурсов, при таком раскладе, минимально, что не может не влиять на положение дел в стране. Олигархам нет дела до страны и её народа, они срочно выжимают деньги. Полученные средства уходят за рубеж и вкладываются там в перспективные производства. Деньги в страну не возвращаются. Как тут быть? Первое, что приходит в голову, — «перераспределить» участие в собственности, с большей долей участия в деле

со стороны государства. Главный тезис — «если вы хотите народного бунта, то ваша “неуступчивость” может стать возбудителем народного гнева». Можно народ «завести и бросить в бой», что он сделает с превеликим удовольствием, у него давно «заточены зубы»; во-вторых, наша страсть «взять всё и поделить» стала почти народной традицией и чертой национального характера. Однако новой «революционной ситуации» Россия может не выдержать, и доводить народ до «истерического состояния» было бы просто преступно. Обилие «гуляющего» оружия на руках, чеченская война, перешедшая в вялотекущую форму, социальное напряжение внутри страны — все эти факторы делают ситуацию слишком взрывоопасной, с непредсказуемыми последствиями.

Возникает вопрос: кому принадлежит власть в стране — государству в лице чиновников или незначительному «отряду» крупных владельцев собственности?

Если рассматривать этот вопрос с точки зрения истории страны, как это видится сегодня, то главным вопросом был вопрос не о собственности на землю, а о праве собственности на людей. Поэтому понятно, что крепостное право держалось так долго, несмотря на его экономическую непродуктивность. Земли было много, но она была, в большинстве своём, плохого качества (до присоединения Украины, Предкавказья и Поволжья), трудный и капризный климат практически сводил на нет все усилия по её обработке и делал сельское хозяйство малопродуктивным и нестабильным. Агркультурные традиции в сельском хозяйстве были исключительно консервативны и зиждились на примитивных, экстенсивных формах подсеки (перелога), то есть сведения лесов и увеличения запашки, сроки эксплуатации таких земель были малы (от 1 года до 5 лет), и, как следствие, имели место постоянные миграции в пределах небольшой территории. Действие власти в подобных условиях сводилось к постоянному объезду (полюдь) территории и изъятию (отчуждение) продукта. В конечном счете, все управление свелось к полному изъятию всего продукта, что привело вначале к экономическому закабалению, а впоследствии и к физическому, иначе говоря, к крепостному праву, которое окончательно оформилось к правлению Алексея Михайловича, т.е. к середине XVII века. В Европе ничего подобного не было, она жила в другом экономическом и политическом режиме. Собственно товарно-денежные отношения в России сложились и оформились только в эпоху Петра, когда, помимо сельского производства, появилась промышленность и ресурсная база (ископаемые), до этого в России, кроме леса и его продуктов, ничего не было. Относительно олигархов можно сказать, что историческим аналогом были русские магнаты вроде Строгановых, Шориных и иных, которые владели огромными средствами, не всегда поддававшимися измерению. Недаром царское правительство прибегало к их услугам, в частности получало от них крупные кредиты на войны, на подавление восстаний, на погашение долгов и так далее. Строгановы, например, субсидировали три русско-польские войны в XVII веке и дали на нужды государства 430000 рублей серебром, что по тем временам было огромной суммой. Но, несмотря на очевидные факты «временных союзов» государства с русскими магнатами, власть стремилась к умалению их монополий, частенько прибегая к экспроприации и

казням. Заметим, что в Речи Посполитой власть магнатов привела страну на край политической катастрофы, чем воспользовались соседи, на долгие годы лишив Польшу национальной независимости. В России царская власть всегда была значительнее сильнее, чем власть магнатов. Если в Польше магнаты могли претендовать на абсолютную власть, в силу «демократических» институтов власти (наличие сейма), то в России ничего подобного не было вплоть до 1905 года. Резюмируя сказанное, можно констатировать, что, несмотря на сложности внутренней исторической жизни России, русские магнаты как тип общественной структуры состоялись и проявили удивительную способность к воспроизводству. Всё упирается в законодательную базу, — к сожалению, этот аспект русского бытия оставляет желать лучшего. Встаёт вопрос: как сделать так, чтобы наши «доморожденные олигархи», предпринимая большие проекты, субсидировали на законной основе археологические работы? Ответ может быть только один — закон, единый для всех, без социальных различий и предпочтений.

Но вернёмся к проблемам археологии. В отличие от древней истории, где главным источником является письменный документ и появление «новых документов» в обозримом будущем вряд ли предвидится («усердные (?) библиотеки Ивана Грозного», с технической и исторической точки зрения, — чистой воды фикция или удачно раскрученная коммерческая кампания), археология, напротив, получает постоянно новые исторические источники, причем с нарастающей быстротой. Даже письменные источники продолжают поступать через археологию, яркий пример — раскопки в Новгороде. Но у письменных документов есть дубликаты, и в случае их утраты они будут продолжать функционировать, тогда как в археологии эти утраты невосполнимы. Мы теряем источники, если так можно сказать, на «молекулярном» уровне. Утрата курганов, городищ, древних поселений, стоянок — приводит к потере «генетического наследия» нашего народа (независимо от его этнического происхождения). С методической точки зрения, изучение письменных документов и их интерпретация — во многом субъективное действие, тогда как в археологии уже давно утвердились методы естественных наук, позволяющие на строгой научной (объективной) основе проводить их историческую оценку.

Европа, в историческом контексте, от нуклеарного состояния (из множества земель и государств) с древности шла к объединению в одно целое (эта тенденция очевидна и не нуждается в доказательствах), в то время как Россия, являясь её восточной периферией, иногда с большим усердием стремилась к соединению с ней, но чаще замыкалась на самой себе и отгораживалась искусственными барьерами. Экспансия России на восток — это движение европейцев, пусть и со значительным «восточным» элементом. Духовная культура России во многом более «западная», чем «восточная», начиная от языка и до технологического уровня развития. Все достижения научной мысли пришли в Россию с запада. Археология России, несмотря на свою специфику и уникальность, только подтверждает этот тезис.

Сближение с Европой в настоящее время строится не только на экономической целесообразности, но и на знании истории отдельных ее частей,

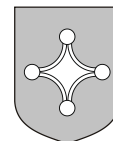
истории их взаимодействий и взаимопроникновений как в экономическом, так и в культурном аспектах. В Европе в течение сотен лет менялись центры кристаллизации идей как технических, так и гуманитарных, — границы государств не были препонами для этого процесса.

Территория России в течение нескольких тысячелетий была «резервной зоной» для развития Европы. С течением времени интерес Европы к России постепенно возрастал и расстояние между Европой и Россией сокращалось. Но до сих пор работает принцип: «Запад есть Запад — Восток есть Восток, и им никогда не сойтись».

Археологические памятники (предметы) по сути своей являются генетическим материалом для изучения истории не только нашего народа, но и человечества в масштабах Евро-Азиатского континента: если что-либо разрушается, то это уже нельзя восстановить, так как этого уже нет на земле. Письменные источники, если они изданы (опубликованы, скопированы) даже в нескольких экземплярах, сохраняются для последующего исследования.

Новые методы исследования археологического материала сейчас не только разрабатываются, но и совершенствуются, однако степень извлечения информации с их помощью еще недостаточна (отсутствие средств). Условия, диктуемые этими методами, являются более строгими для материала. И может так случиться, что через десятки лет у нас будут методы исследования, но не будет подходящего для этих исследований материала. Необходимо сохранить в нетронутом виде максимально большее количество археологических памятников для последующих исследований.

Перед археологией стоит ещё одна проблема — проблема музеефикации и атрибуции добытого материала. Пагубную роль здесь тоже сыграла война, много материалов погибло, а та часть, что осталась, частично депаспортизована. Образовались большие хронологические и источниковедческие лакуны. Восстановление утраченного фонда — задача не менее важная, чем добыча новых источников. Вывод — необходимо иметь жесткую программу освоения памятников материальной культуры, и в первую очередь исследовать то, что попадает в сферу хозяйственной деятельности государства и частного сектора. То, что может быть оставлено на будущее, должно войти в резервный фонд. Поэтому все «нелегальные формы» разрушения памятников должны быть исключены и наказуемы по закону, независимо от того, кто бы это ни сделал — частное лицо или государственные структуры. Все несут равную ответственность перед будущим страны и её народа. Закон суров, но это Закон.

Алексей ОГЛЕЗНЕВ,
НКО «Фонд «Дом — Замок»»

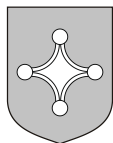

О КОНФЕРЕНЦИИ «СУДЬБА ЧЕЛОВЕКА - СУДЬБА ЗЕМЛИ» В ЗАМКЕ ИНСТЕРБУРГ

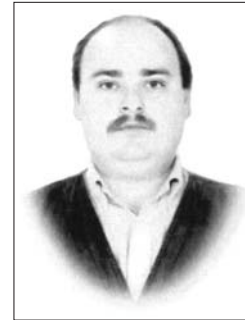
Региональная научно-практическая конференция «Судьба человека — судьба земли» на базе памятника федерального значения «Замок Инстербург» проводится ежегодно некоммерческой организацией «Фонд «Дом — Замок»». Первая такая конференция состоялась в 1997 году; та, о которой идет речь, уже 8-я по счету, — в 2004. Кстати, дата проведения — всегда одна и та же: 10 октября, независимо от того, какой это день недели — выходной или рабочий. Таким образом отмечается день города: 10 октября 1583 года указом маркграфа Георга Фридриха фон Ансбаха Инстербург получил городские права.

Ежегодно на конференцию собирается от 30 до 50 человек. В числе участников — краеведы города и области, преподаватели Российского государственного университета имени И.Канта, сотрудники Государственного архива Калининградской области, областных и районных музеев, учителя истории, представители областной власти, администрации Черняховского муниципального района, средств массовой информации.

На конференции рассматриваются вопросы изучения и сохранения историко-культурного наследия, подводятся итоги прошедшего года. Доклады и сообщения посвящаются истории земли, на которой располагается современный Черняховский район (отсюда и название конференции). Как правило, выбирается одна основная тема — это может быть какой-то временной отрезок, дата, событие, та или иная историческая личность. Например, в 2003 году городу было 420 лет, и эта тема тогда стала главной. В 2004 году конференция была посвящена прусскому периоду истории земли Надровия.

Выступления на 8-й конференции «Судьба человека — судьба земли» в замке Инстербург

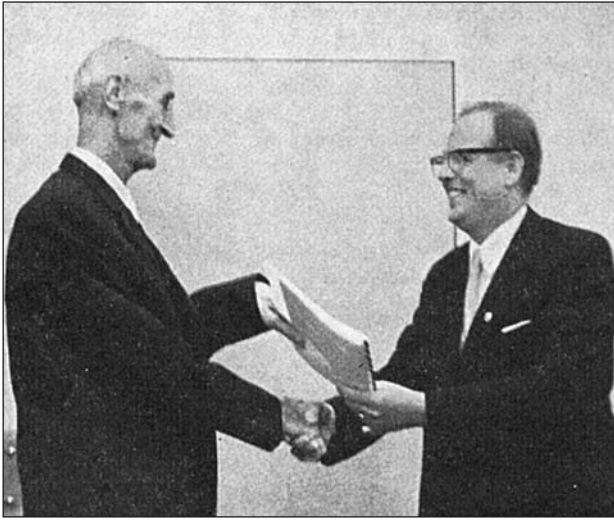
Леонид ЕФРЕМОВ,
ассистент кафедры истории Балтийского региона
Российского государственного университета имени
Иммануила Канта

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Восточная часть Калининградской области не столь богата памятниками археологии. Это видно из сравнения с другими территориями, особенно Замландом. Возможно, это обусловлено недостаточной изученностью данных районов области. Несмотря на незначительное количество археологических памятников, многие из них уникальны. Охарактеризуем их в хронологическом порядке.

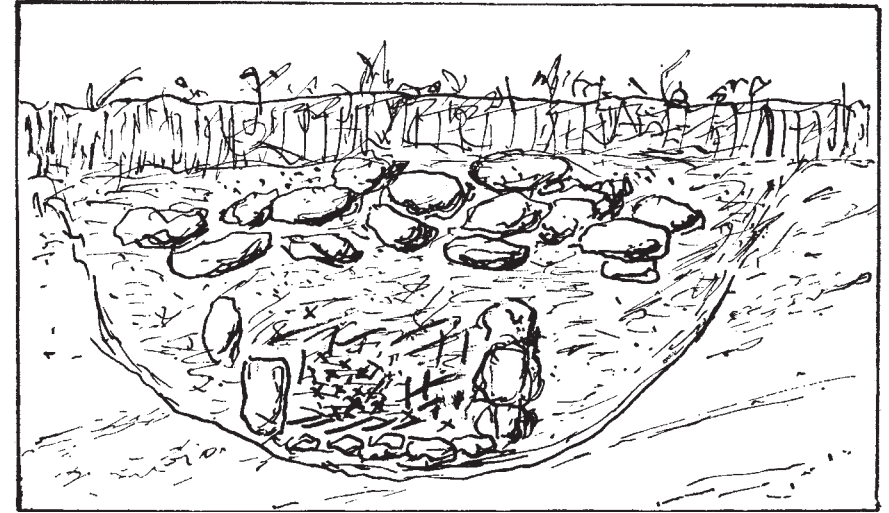
Эпоха камня (8-3 тыс. до н.э.) представлена в основном стоянками. В первую очередь среди них следует назвать памятники Цедмарской группы (у совр. поселков Брюсово и Серово Озёрского района — бывш. Брассен и Астравшкен), которые в 1905–1914 годах исследовал К.Штади, а также стоянку Ментуррен (пос.Сеченово Озёрского района), где в 1921 году был заложен шурф М.Эбертом¹. Однако раскопки до Второй мировой войны проводились любителями, а не профессионалами, что затрудняет использование полученных материалов, значительная часть из которых к тому же утрачена.

В послевоенное время на востоке области разведки и раскопки на памятниках эпохи камня в 1972–1987 годах проводил сотрудник института материальной культуры РАН В.И.Тимофеев². Помимо раскопок на уже известных ранее памятниках, им были разведаны и изучены новые, в частности по р.Шешупе: Никольское, Тушино, Ливенское, Тальники³. Эпоха бронзы (3 тыс. до н.э. — V век до н.э.) и раннего железного века (V–I века до н.э.) на востоке области исследованы крайне слабо. В довоенный период шёл процесс накопления

Профессор Г.-В.Шмидт, председатель Общества инстербуржцев (справа), вручает своему бывшему учителю, доктору В.Грунерту, свидетельство о назначении городским старостой Инстербурга.

Стр. 13. Прусское захоронение в разрезе. Рис. В.Грунерта.

информации. Это нашло отражение, например, в работе Э.Холлака⁴, где содержатся данные о 13 местах, в которых были обнаружены случайные находки. Однако археологических раскопок памятников данного периода на этой территории как до Второй мировой войны, так и после неё не проводилось.

Железный век (I-XIII века) является наиболее исследованным. Его можно охарактеризовать по периодам изучения (немецкий и советский) и по видам памятников (поселения и могильники).

В немецкий период в первую очередь обратили внимание на городища — укрепленные поселения. Уже в 1873 году была опубликована работа Касвюрма⁵, посвящённая так называемым Шлосбергам — «Замковым горам». В большинстве своем это городища, в единичных случаях — могильники (как, например, Грунайки). В этой статье было описано 28 памятников в районах городов Инстербург (4), Гумбиннен (6), Шталлупёнен (2), Гольдап (6) и Даркемен (10).

В 1935 году появилась работа Г.Кроме и В.Грунерта⁶, в которой были рассмотрены до- и раннеисторические оборонительные сооружения в западной Надровии. Эта сводка не утратила своего значения и в настоящее время. Как и в работе Касвюрма, здесь даны сведения о местоположении памятников, их схематичные планы и характеристика, упоминаются сделанные на них находки, указывается литература, в которой идет речь о том или ином памятнике. Общее количество описанных памятников — 32.

Вышеприведенные данные свидетельствуют о хорошем учете памятников. Раскопки же на них почти не производились. В этом плане можно упомянуть лишь селище Дайнен (пос.Кутузово Краснознаменского района), которое исследовал В.Грунерт весной 1939 года. Здесь был заложен небольшой шурф. Мощность культурного слоя на поселении составляла около одного метра, состоял он из трех прослоек. Находки представлены кусками обмазки с отпечатками

жердей, костями животных и изделиями из них, немногочисленными предметами из металла, а также фрагментами керамики от сосудов разных размеров. Датируется поселение серединой 1 тыс. н.э. — орденским периодом⁷.

В 1933–1934 годах были обнаружены какие-то комплексы (глина, керамика) в Инстербурге на Фриц-Чирзе-штрассе (ныне ул.Демьяна Бедного); возможно, это были следы поселения⁸.

Второй вид памятников — могильники. Специальных работ, посвященных их регистрации, нет, за исключением уже упоминавшейся работы Э.Холлака. В ней, например, отмечено, что только в округах Инстербург и Гумбиннен насчитывается 14 могильников. На некоторых из этих памятников проводились археологические раскопки.

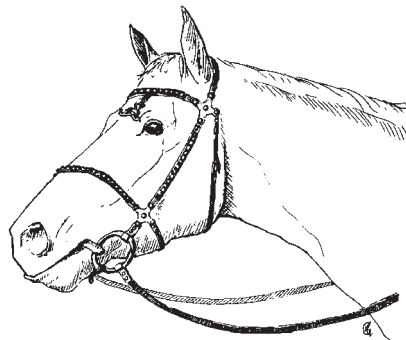
В 30-е годы XX века раскапывались два могильника: один в Грос-Бершкаллене (пос.Гремячье Черняховского района), где были исследованы многочисленные погребения — урновые и безурновые кремации, датированные II-IV веками; второй в Инстербурге, он назывался Альтхоф-Инстербург. На нем были проведены археологические раскопки под руководством В.Грунау, во время которых исследовано 45 урновых погребений, 105 безурновых. Среди находок следует назвать украшения (фибулы, иглы, цепочки, ведерковидные подвески), которые, как отметил В.Грунерт, относились к общепрусским типам; конское снаряжение — оголовья; керамика самбийских и судавских форм. Оружие, за исключением двух ножей и умбона, отсутствовало. При этом необходимо отметить применение передовых по тем временам технологий. Так, например, были сделаны снимки погребений в инфракрасном излучении. Самые ранние погребения этого могильника датированы I-II веками.⁹

Кроме регистрации памятников и раскопок на них, в довоенный период следует отметить неплохую публикацию материалов. Здесь стоит назвать жур-

нал, издававшийся Инстербургским обществом древностей («Zeitschrift der Altertumsgesellschaft Insterburg»); журнал «Nadrauen» («Надровия») — приложение к выходившей в Инстербурге газете «Ostpreußisches Tageblatt» («Восточнопрусская ежедневная газета»); «Heimatkundliches Blatt» («Краеведческий листок») — приложение к «Даркеменской окружной газете»¹⁰.

В довоенный период значительную роль в исследовании памятников, расположенных в восточной части Калининградской области, сыграл доктор Грунерт, о котором хотелось бы сказать несколько слов.

Вальтер Грунерт родился 13 января 1888 года в Хемнице, умер 10 января 1971 года в Бад-Пирмонте. Он вырос в Восточной Пруссии, окончил гимназию в Бартенштайне (ныне г.Бартошице, Польшая Республика), после чего изучал естествознание в университетах Кёнигсберга и Лейпцига. Получив образование, работал учителем в Растенбурге (г.Кентшин, Польшая Республика). Принимал участие в Первой мировой войне, был ранен. С 1928 года занимал должность верховного советника по обучению в гимназии имени Вильгельма в Кёнигсберге. В 1933 году переехал в Инстербург. В.Грунерт был разносторонним человеком. Он интересовался астрономией, музыкой, историей, генеалогией, принимал участие в деятельности Инстербургского общества древностей, переоформил экспозицию в орденском замке, возглавлял раскопки, изучал Надровию, основал журнал «Nadrauen». Однако его мирные занятия были прерваны Второй мировой войной, в которой он также принимал участие. После войны преподавал в Гамбурге и Бад-Пирмонте¹¹.

Элементы конной сбруи, найденные В.Грунертом близ Инстербурга, и рисунок-реконструкция уздечки.

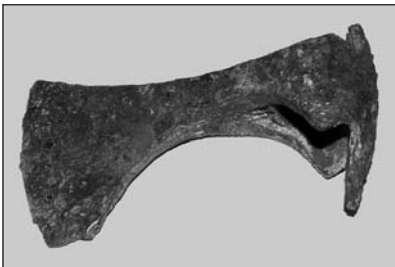
Стр. 15. 1 — предметы, найденные при раскопках прусских поселений в округе Инстербург. Музей Вармии и Мазур в Ольштыне (Польша). Фото: Ярослав Соберай. 2 — наконечник стрелы, найденный на месте древнего прусского поселения. Музей истории (г.Черняховск). Фото: Г.Каштанова-Ерофеева.

После Второй мировой войны в восточной части Калининградской области была произведена, в первую очередь, перерегистрация ранее известных памятников археологии и разведаны новые. Большая заслуга в этом принадлежит Западно-Балтийской археологической экспедиции АН СССР (руководитель Г.Н.Пронин), Балтийской археологической экспедиции Института археологии РАН (руководитель В.И.Кулаков), а также отдельным специалистам, например В.С.Суворову, который провел разведки в 1981 году. На некоторых памятниках проводились археологические раскопки, отличавшиеся широкомасштабностью.

В 1991 году раскопки были проведены на селище Ольховатка-2, которое находится в Гусевском районе у поселка Ольховатка. Работы осуществлял отряд Западно-Балтийской археологической экспедиции ИА АН СССР под руководством М.Е.Смирновой. На памятнике были заложены два раскопа площадью 256 кв.м и 80 кв.м. Поселение является однослойным, что, возможно, связано с коротким периодом его существования. Самым массовым материалом на поселении является керамика, которая позволяет датировать его второй половиной 1 тыс. н.э.¹²

Вторым памятником, на котором проводились археологические исследования, является селище Гусев-1. Оно расположено на северо-западной окраине города Гусева и имеет размеры 200×100м. Это поселение было обнаружено при обработке огородных участков. Первые материалы с него собрал учитель школы №3 г.Гусева А.М.Иванов. В 1986 году на поселении был заложен шурф (4,5×3м). Работами руководил В.С.Суворов. В 1990–1991 годах на этом памятнике проводились совместные работы Западно-Балтийской экспедицией Института археологии АН СССР под руководством Г.Н.Пронина и Калининградским государственным университетом (руководитель В.С.Суворов). В течение двух полевых сезонов был вскрыт раскоп 10×12м, расположенный западнее шурфа, и к нему дальше на запад, по северной стороне, проложена траншея длиной 80м и шириной 1м. Все материалы, полученные в ходе раскопок, и их коллекционные описи хранятся на кафедре истории Балтийского региона РГУ имени И.Канта (ранее КГУ). Поселение двухслойное. Слой 1 по находкам (подковообразные фибулы, перстни, удила и т.д.) датируется XI-XIII веками, слой 2 на основании сосуда, тулово которого полностью покрыто пальцевыми защипами, — второй полови-

ной 1 тыс. н.э. На поселении был получен многочисленный керамический материал: фрагменты сосудов (более 8000 единиц), пряслица, находки из металла (фибулы, перстни, удила, рыболовный крючок), изделия из кости (проколки, булавки, лощило) и камня (оселки, терки).

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

В довоенный период в восточной части будущей Калининградской области была осуществлена хорошая регистрация памятников археологии и предприняты первые археологические раскопки, хотя часто ими занимались любители, а не профессионалы.

В советский период была проведена перерегистрация старых памятников и разведаны новые. Также проводились и раскопки, которыми руководили специалисты; эти раскопки были широкомасштабными. Особенно следует подчеркнуть значение работ на селище Гусев-1. В настоящее время это самое исследованное поселение в Калининградской области.

По результатам археологических изысканий на рассматриваемой территории можно сказать следующее.

Погребальный обряд, практиковавшийся местными древними жителями, имеет мало отличий от самбийско-натангийской археологической группы, особенно это проявляется в типах укра-

Предметы, найденные на местах древних прусских поселений: 1, 2 — боевые топоры; 3 — бронзовый топор. Музей истории (г.Черняховск). Фото: Л.Климова, Г.Каштанова-Ерофеева.

шений. Отличие заметно в керамике, что объясняется влиянием судавов. Это характерно как для погребальной керамики, так и для поселенческой. Например, некоторые сосуды с поселения Дайнен напоминают формы с судавского могильника Прудзишки.

По материалам поселений можно судить о занятиях древнего населения. Оно практиковало прядение и ткачество, занималось охотой (судя по остеологическому материалу, на лосей, косуль, кабанов, бобров и др.). Высоко развиты были косторезное ремесло и обработка металлов, однако изделий из металла было обнаружено мало, что, возможно, объясняется его полной утилизацией.

Евгений КАЛАШНИКОВ,
начальник Черняховского отряда
Деснинской археологической экспедиции
Института археологии РАН

Археологические работы на поселении Тимофеевка - Камсвикус в 2003 году

В июле-августе 2003 года Черняховский отряд Деснинской экспедиции Института Археологии РАН, совместно с Научно-производственным центром по учету, охране, использованию и реставрации памятников истории и культуры Калининградской области, на средства, выделенные администрацией г.Черняховска, проводил археологические раскопки на комплексе памятников археологии Тимофеевка — Камсвикус, расположенном в Черняховском районе. Основной целью работ являлось выяснение стратиграфической ситуации и культурной принадлежности городища и поселения.

В предыдущем, 2002 году в результате осмотра территории городища и прилегающей к нему территории было подтверждено предположение, что совместно с городищем сосуществовало и предградье — неукрепленное поселение, располагавшееся с внешней стороны оборонительного вала, к востоку и северо-востоку от него. Поселение было выявлено В.И.Кулаковым, так же как и городище, в 1985 году [Кулаков В.И., 1985] и датировано X-XIII веками. Более о нем (о поселении) ничего не было известно, оно не упоминалось и в ранних источниках. Поэтому в 2003 году внимание было уделено, прежде всего, этому поселению. Памятник на сегодняшний день занят огородами местных жителей и интенсивно разрушается ежегодной пахотой.

В северо-восточной части памятника была обследована территория площадью 124 кв.м. В раскопе было выявлено 19 ям, заполненных темно-серой супесью с частицами древесной золы. Часть ям содержала в себе фрагменты костей животных, мелкие кальцинированные кости, печину различных размеров, в том числе и крупную, фрагменты керамических сосудов, развалы сосудов, предметы быта, украшения и их фрагменты, металлические шлаки. Да и вообще в результате археологических раскопок был получен достаточно репрезентативный вещевой материал: 19 предметов, сделанных из бронзы, 5 — из железа, 7 керамических предметов, 4 предмета из камня, 10 кремневых предметов и более 130 фрагментов керамической посуды.

Керамика представлена фрагментами лепных и раннекруговых керамических сосудов — венчиками, донцами и стенками. Много лепных форм с поверхностями, покрытыми различными орнаментами: горизонтальные и волнистые линии, защипы, штампки, ломаные зигзагообразные линии, каннелюры, насечки по краю венчика, пальцевые вдавления; два фрагмента стенок

имеют сквозные отверстия. Способы отделки поверхности тоже разнообразны: нарочито ошершавленные, заглаженные и подлощенные. Как правило, лепные горшки имеют слегка отогнутый наружу венчик. Слабая профилировка сосудов свидетельствует о низкой стадии развития гончарства, существовавшего на уровне домашнего производства. Наряду с лепной керамикой на обследованном участке присутствовала и раннегончарная, выполненная на гончарном круге. Поверхность этой керамики орнаментирована горизонтальными и волнистыми линиями. Венчики сильно отогнутые, сосуды сильно профилированы. Данная керамика имеет так называемый западнославянский облик и говорит о том, что у жителей этого поселения уровень развития гончарства резко повысился, хотя наряду с этим новшеством (гончарным кругом) существовал и привычный способ производства керамической посуды, сохранявшей архаичные формы. Керамический материал из раскопа датируется достаточно широко: от середины 1 тысячелетия (а возможно, и раньше) до начала 2 тысячелетия н.э.

Из семи предметов, сделанных из глины, шесть представлены пряслицами различной формы и величины, причем пять из них фрагментированные (три из них на рис.1) и только одно целое и единственное орнаментированное (накольчатый орнамент) (рис.2). Датировка пряслиц также имеет широкие границы из-за их архаичных форм. Седьмой предмет — это фрагментированный лепной сосуд (рис.3).

Из четырех предметов, сделанных из камня, два предмета — точильные камни, два — куранты (пестики) для растирки зерна. Определить время бытования этих предметов весьма затруднительно.

Пять предметов, сделанных из железа, представлены двумя фрагментами

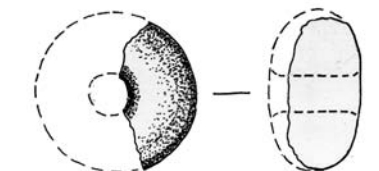
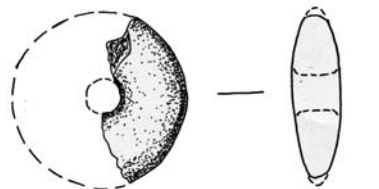
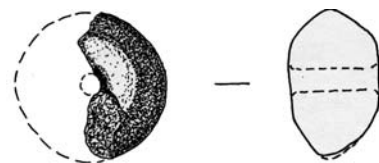

Рис. 1.

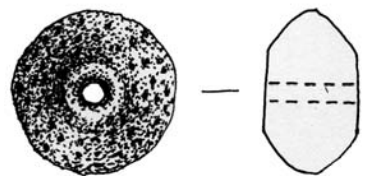

Рис. 2.

Рис. 3.

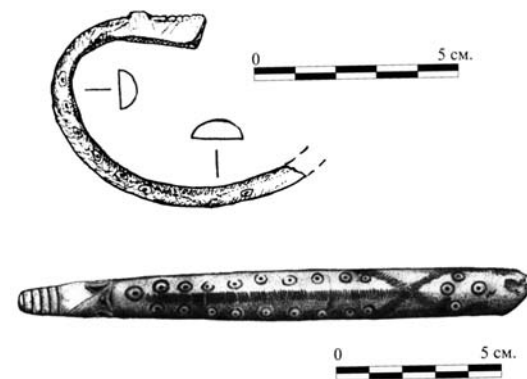
ножей, одним гвоздем, рыболовным крючком, а также ледоходным шипом. Хронологические рамки бытования предметов из железа достаточно широки. Скорее всего, их можно отнести к эпохе раннего средневековья.

Из десяти кремневых предметов пять имеют явные следы ретуши, т.е. они, скорее всего, использовались как скребки, ножевые пластины или вкладыши (рис.4), остальные пять — отщепы, результат отходов кремневого производства. Заслуживает внимания тот факт, что большинство этих предметов было обнаружено в нижней части раскопа при зачистке материка. Кремневые орудия имеют мезолитический облик, но надо сказать, что мезолитического слоя на данной территории в процессе работ пока зафиксировано не было. Выявление культурного слоя эпохи мезолита — задача дальнейших исследований.

Наибольший интерес представляют предметы, сделанные из бронзы, как с точки зрения их конструкции, так и с точки зрения их датировки. Были обнаружены три подковообразные фибулы; две из них, спиральноконечные, имеют цилиндрические, свернутые в трубку концы (рис.5) с дугой в сечении подтреугольной формы. В.И.Кулаков датирует последние X-XIII веками [Кулаков В.И., 2003]. По литовским материалам их датировка несколько уже: X-XII века [Bliujėne A., 1999], X-XI века [Kulikauskienė R., 1961]. В древностях Руси, в частности по материалам Новгородских раскопок, основная масса этих фибул датируется X-XI веками, и лишь некоторые — XII [Седова М.В., 1959]. Третья фибула (ее фрагмент), с маковидной головкой (рис.6), датируется также неоднозначно: по заключению В.И.Кулакова — XIII-XIV веками [Кулаков В.И., 2003], по литовским материалам — X-XII веками [Bliujėne A., 1999], X веком [Kulikauskienė R., 1961], по материалам Древней Руси — в основном XI веком и изредка XII [Седова М.В., 1959]. Последняя фибула была нарочито повреждена рубящим орудием.

Особое внимание обращают на себя три фрагмента браслетов, орнаментированных геометрическим и растительным орнаментами, со стилизованными зооморфными головками (один из них на рис.7), выполненными в виде голов драконов, — все они также повреждены рубящим орудием. Такого типа браслеты характерны для древностей куршей. Датируются они XI-XII веками

Рис. 7. Фрагменты бронзовых браслетов со стилизованными зооморфными головками (в виде голов драконов) и геометрическим и растительным орнаментами.

С.18. Рис. 1. Фрагменты глиняных пряслиц. Сер.1-го тыс. н.э. — нач. 2-го тыс. н.э.

Рис. 2. Глиняное пряслице с накольчатым орнаментом.

Рис. 3. Фрагментированный глиняный лепной сосуд.

Рис. 5. Бронзовая подковообразная фибула. Рис. 6. Бронзовая фибула с маковидной головкой.

С.21. Рис. 4. Кремневые пластины, скребки, вкладыши.

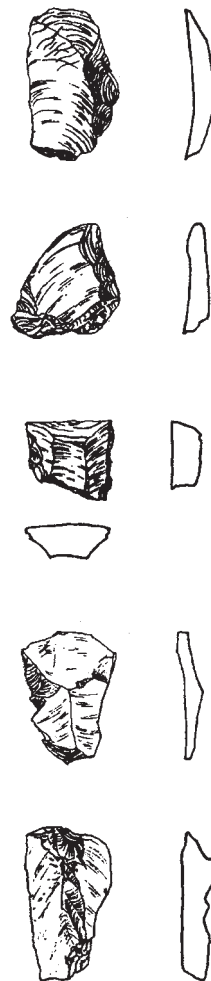
[Hoffmann J., 1941], [Кулаков В.И., 2003], по литовским материалам — X-XIII [Bliujėnė A., 1999], XI-XII [Kulikauskienė R., 1961].

Также среди находок из бронзы были обнаружены три спиральных кольца, два из них украшены продольными линиями, концы которых завершаются ромбовидной плоскостью. Такие кольца напоминают сильно стилизованное пресмыкающееся. Подобные спиральные браслеты и кольца были характерным украшением куршей в VIII-XII веках [Bliujėnė A., 1999], XI-XII века [Kulikauskienė R., 1961]. Третье спиральное кольцо было плохой сохранности ввиду его пребывания в огне, но аналогично первым двум. Кроме спиральных колец, был найден ложновитой перстень с заходящими концами, датируемый XII-XIII веками [Kulikauskienė R., 1961]. Из других бронзовых предметов следует отметить бубенчик, неорнаментированное кольцо в один оборот, фрагменты витой трехдротовой гривны, фрагменты другой однодротовой уплощенной гривны, кольцо ремненное с обоймицей, обоймицу ножа. Последние предметы продатировать достаточно сложно, но их датировка не должна, в принципе, отличаться от датировки вышеперечисленных предметов.

По результатам проведенных работ можно сделать следующие предварительные выводы, иногда противоречивые:

1. К северо-востоку от городища Камсвикус находилось поселение. В пользу этого предположения говорит наличие столбовых ям на месте раскопа, многочисленных фрагментов печины, костей животных, металлических шлаков, предметов быта (точильные камни, зернотерки, пряслица), фрагментов керамической бытовой посуды со следами нагара, украшений и орудий труда не только в комплексах, но и вне их, зачастую со следами деформации и поломки.

2. На месте проведения археологических раскопок располагался средневековый могильник со следами обряда кремации. В пользу этого свидетельствуют следующие обстоятельства: в некоторых комплексах присутствуют кальцинированные кости, хотя и в малом количестве; некоторые украшения

нарочито испорчены (разрублены), что напоминает ритуальную порчу оружия; на обследованной части памятника отсутствуют остатки жилых и хозяйственных построек, очагов.

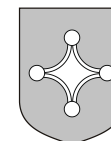
3. Данный памятник по обнаруженным материалам датируется XI-XIII веками.

4. Многие украшения, происходящие с памятника, имеют прямые аналогии с курскими древностями в эпоху средневековья, что, несомненно, говорит о торговых, а возможно, и об этнокультурных связях местного населения (надрувов) с куршами.

5. Судя по керамическому материалу, а точнее, по отсутствию круговой «готической» керамики (за исключением незначительного количества таковой в слое пахоты), поселение надрувов в данной части памятника прекратило свое существование с приходом на эту землю Немецкого (Тевтонского) ордена.

6. На месте средневекового поселения (могильника?) в эпоху мезолита, возможно, существовала стоянка, судя по обнаруженным кремневым орудиям, но древнейшие слои в процессе жизнедеятельности людей могли быть разрушены.

Таким образом, можно констатировать, что комплекс памятников у пос. Тимофеевка («Городище Камсвикус») представляет собой намного более сложный археологический объект, чем представлялось ранее. Уточнить датировку различных частей комплекса, определить их взаимосвязи, границы можно будет только путем планомерных раскопок в разных зонах этого многокомпонентного памятника.

Александр НОВИКОВ,
ассистент кафедры истории Балтийского региона
Российского государственного университета имени
Иммануила Канта

«СУДАВСКИЙ УГОЛ»

В данном докладе рассматривается такая проблема, как существование «Судавского угла» — особого этнотерриториального образования на крайней северо-западной оконечности Самланда. Хотя оно возникло ещё в XIII веке, само понятие «Судавский угол» впервые употребляется лишь в последней трети XVI века Каспаром Хенненбергером в его «Кратком и достоверном описании земли Пруссия»: «На Самланде (Samland) есть место (Ort), которое называется Судавский угол (Sudawische Winkel)»¹.

Естественно, это является фиксацией уже существовавшего топонима, возникновение которого следует отнести к более раннему времени. Одним из первых свидетельств является упоминание в декабре 1353 года трактира в Хайлиген-Кройце, находившемся «в Судавитас» («apud Sudawitas»)»².

История «Судавского угла» как особого района Самланда начинается в 80-е годы XIII века. В это время Тевтонский орден, завершая завоевание Пруссии, приступил к покорению последней оставшейся к этому времени независимой прусской земли — Судовии. Поскольку она оказалась пограничной с враждебной Ордену Литвой, то, по мере ее покорения, местное население стало организовано переселяться вглубь уже покоренных прусских территорий. Общее количество переселенцев установить сложно, поскольку об этом имеются лишь отрывочные данные. Следует иметь в виду то, что переселение облегчалось наличием в Судовии архаичной общественной структуры. В соответствии с ней местные нобили стояли во главе зависимых от них родовых объединений, и, следовательно, переход на сторону Ордена такого нобили означал переход и зависимых. Если сопоставить сведения «Хроники земли Прусской» Петра из Дусбурга о том, что нобиль Гедете перешел к братьям Ордена вместе с полутора тысячами своих людей, и данные о получении вышеупомянутым нобилем земельного пожалования от Ордена близ Меденау (Логвино) в округе Варген (Котельниково), то можно предположить, что именно сюда и были переселены зависимые от него люди³. Именно с переселением людей нобилем Гедете — выходцев из волости Кименов — следует связывать существование в Самбии селения Куменен (Кумачево). Кроме того, согласно сообщению «Хроники», в Самбию было переселено еще 1600 судавов⁴. В Самбии же получил земельные владения и известный судавский нобиль Скуманд, перешедший к Ордену «со всеми чадами и домочадцами»⁵. Известно, что магистр Пруссии Конрад фон Тирберг пожаловал ему и трем его сыновьям «селение, называемое Сткунио (villam que vocatur Stcynio)», вместе с некоторыми другими владениями, со всеми правами⁶. Сам Скуманд умер, вероятно,

Захват Тевтонским орденом земель западных балтов в 1233–1283 годах. (Из кн. В.Пашуто.)

* Здесь и далее атрибуция населённых пунктов произведена автором статьи.

в Бальге⁷. К комтуру Бальги пришел еще «один нобиль из Судовии по имени Руссиген, со всеми чадами и домочадцами»⁸. Нобиль Катце (Гатце) в 1301 году получил деревню Суду («villa Sudowe»)⁹(Октябрьское). Таким образом, можно констатировать, что в Самбию были переселены в общей сложности несколько тысяч судавов, образовавших компактное этнотерриториальное образование, которое и получило наименование «Судавский угол».

Можно выделить несколько причин, по которым судавы переселялись именно в Самбию. Основной целью Тевтонского ордена являлась, видимо, колонизация данного района, опустошенного в ходе завоевания. Для Ордена это было выгодно сделать за счет этнически чуждого для автохтонного населения Самбии контингента — судавы, вырванные из ранее сложившихся традиционных связей и являвшиеся инородным элементом, были вынуждены теперь ориентироваться только на Орден. Кроме того, Орден был заинтересован в борьбе с литовскими набегами, которые осуществлялись через Куршскую косу. Это было особенно актуально, поскольку именно здесь находился основной район добычи янтаря, что составляло одну из важных статей дохода Ордена.

Любопытно, что та часть Самланда, на которой возник «Судавский угол», — ее называли «Хайлиген-Фельд» («Heiligen Feld»), — ещё по итогам договора 1257 года между Орденом и самбийским епископом отошла последнему. Анализ документов, прежде всего так называемых «расчетных книг» («амтрешнунген») XV — начала XVIII веков¹⁰, позволяет достаточно четко определить границы «Судавского угла» и, соответственно, те селения, которые в него входили. Первоначально территория «Судавского угла» входила в состав каммерамта Тиренберг (Thierenberg). В 1515 году впервые упоминается вначале дистрикт, а с 1542 года — каммерамт Судуаэн¹¹. В его состав входили следующие местечки: Грос-Хубникен (Синявино), Кляйн-Хубникен (Кленовое), Ильникен (Сараево), Берсникен (Ягодное), Бишкопникен (Охотное), Вангеникен, Нёттеникен (Прислово), Крайслаукен (Бакалино), Блушкайм (Цинсдорф; ныне не существует), Хайлиген-Кройц (Красноторовка)¹².

Однако судавское население находилось также и в местечках, входивших в соседний каммерамт Диршкайм (Грос-Диршкайм — Донское), возникший около 1570 года¹³.

Соответственно, его граница выглядела следующим образом. Она шла с севера на юг от Георгенсвальде (Отрадное) через лесничество Варникен (Лесное), Грюнвальде (Заливное), поворачивая затем на северо-запад и проходя (примерно) через Берсникен (Ягодное), Бардау (Гордово) и Кракстепеллен (район Янтарного). На западе и севере естественной границей являлось побережье Балтийского моря¹⁴.

Следует отметить, что Грос- и Кляйн-Курен (соответственно Приморье и Филино) были населены рыбаками-куршами и поэтому этнически лежали вне «Судавского угла». Аналогично обстояло дело и с деревней Кляйн-Хубникен, заново основанной немецкими крестьянами-переселенцами. Точно так же вне этнических границ «угла» находилось селение Хайлиген-Кройц (Красноторовка), которое, хотя административно и не относилось к нему, все же являлось центром церковного округа¹⁵.

Титульный лист книги М.Х.Харткноха [Гарткноха] «Alt- und Neues Preußen...» («Старая и новая Пруссия...») (1684).

М.Х.Харткнох. «Alt- und Neues Preußen...». Фронтиспис. (В центре — на сфере над поверженным пруссом-язычником — обозначения древнепрусских земель.)

Поскольку каммерамты были очень малы по площади, то можно уверенно предположить, что в этих деревнях проживали почти исключительно судавы, которые длительное время придерживались своего языка и обычаев. Отчасти население было также прусским, леттским и литовским. На рубеже XIV-XV веков этнически прусскими были селения Грос-Диршкайм (Донское), Мандткайм (Майский), Катцкайм (Толбухино), Варникен (Лесное) и ряд других. В этот период в подавляющем большинстве зафиксированные в источниках личные имена не были немецкими¹⁶. В орденский период немецкие общины вообще составляли примерно 1/3 часть прусских. Это и обусловило тот факт, что «Судавский угол» устойчиво существовал вплоть до конца XVI века, не изменяя в значительной мере своей этнической структуры и являясь своеобразным «этническим анклавом». Сведения о судавы на Самланде содержатся в составе рукописных сочинений, известных под собирательным названием «Судавских заметок» («Sudauenbüchlein»). Они были впервые опубликованы около 1564 года Иеронимусом Мелетиусом под заглавием «Достоверное описание судавов на Самланде, вместе с их жертвоприношениями козла и церемониями». Из содержания этого труда следует, что, формально будучи христианами, судавы продолжали поклоняться своим прежним богам, совершая

традиционные жертвоприношения, а их праздники и обычаи носили языческий характер¹⁷. Абель Вилль писал в предисловии к составленному им «Катехизису на прусском языке» (1545 год), что «судава (Sudawen), хотя их разговорная речь и является чем-то иным, нежели прусский язык, как это напечатано тут в Катехизисе, все же вполне достаточна для понимания слов»¹⁸. Иначе говоря, несмотря на то что население «Судавского угла» разговаривало на особом диалекте, отличном от языка пруссов Самланда, однако языкового барьера между ними не существовало¹⁹.

На карте Пруссии, составленной уже упоминавшимся К.Хенненбергером в 1576 году, в Самбии показана местность «Судава» («Svdaw»), которая не имеет условного значка, обозначающего населённый пункт²⁰. Вероятно, данный топоним использовался для обозначения всей северо-западной оконечности Самланда²¹.

Сохранение этнической особенности судаваов имело своим следствием и тот факт, что при выделении стипендиальных мест для этнических меньшинств в Кёнигсбергском университете особым распоряжением герцога Альбрехта выделялось восемь стипендиальных мест для студентов «из литовцев, пруссов или судаваов» («ex Lituaniis Pruthenis sive Sudenis»)²². В матрикулах университета в семестре 1547 года записан судав Николаус Тадеойс, причём с пометкой «бедный» («Nicolaus Thadeeus, Sundensis, pauper»)²³. Отсутствие других сведений в матрикулах университета следует связывать не с утратой судавами их этнической идентичности, а с изменением принципов записи: позднее стала указываться не этническая, а территориально-государственная принадлежность студентов.

Более того, наличие на побережье Самланда, этнически прусской территории, района, компактно населённого судавами, привело к тому, что, когда в начале XVI века начали появляться работы по истории Пруссии, именно судаваов стали считать этническими пруссами. Характерным примером могут служить заметки известного гуманиста Иоганна Полиандера, в 1525–1541 годах находившегося при дворе герцога Альбрехта. В одной из них, относящейся к 1535 году, он писал, что «прусы (Prutenis) и народ, и правители называются судавами (Sudawen)», и соотносил Судавию, которая, по его мнению, находилась на Самланде, с той Аустеравией, о которой писал ещё Плиний²⁴.

Пребывание на Самланде судаваов нашло отражение и в одной из прусских легенд — «Легенде о колонне четырех братьев», которая отразила несколько эпизодов из истории покорения Пруссии и Литвы Тевтонским орденом²⁵. Конрад Дьявол, один из персонажей легенды, относился к числу витингов и имел владения при Вальдау (Низовье). Сама «колонна четырех братьев» была установлена в том месте, где находилась резиденция другого персонажа, Мартина Голина²⁶, и являлась, таким образом, знаком власти-собственности (это не исключает вероятности того, что она могла восприниматься местным населением как объект поклонения).

Историческая судьба судаваов Самланда как отдельного этноса тесно свя-

* Витинги — категория прусских нобилей, получившая особый статус за то, что сохранила верность Ордену во время прусских восстаний.

зана с судьбой местного прусского населения. Именно XVI век стал переломным в существовании как «Судавского угла», так и этнически прусского населения в целом. Несмотря на то что прусский язык пока ещё употреблялся, он, по справедливому замечанию Г.Герулиса, уже около 1560 года являлся «отмершим или почти отмершим языком»²⁷. Правда, в «Судавском угле» ещё в начале XVII века священники нуждались в переводе²⁸. Анализ личных имен, содержащихся в актовом материале, свидетельствует, что на рубеже XVI-XVII веков были немецкими около 30%, а на рубеже XVII-XVIII веков — 70% личных имен. Он также позволяет сделать следующие выводы. Еще на всем протяжении XVI века исконный

судавский язык сохранял свои позиции, несмотря на изредка проявлявшееся немецкое влияние. Для прусского языка время жизни ограничивается концом XVII века, когда он окончательно уступает место немецкому. Употребление последнего расширяет свою сферу с началом XVII века, при этом до середины XVII века прусский (т.е. судавский), нижненемецкий и верхненемецкий языки употреблялись на территории «Судавского угла» на равных. При этом верхненемецкий язык употреблялся священниками, учителями и детьми в школе, а носителями нижненемецкого диалекта являлись крестьяне — переселенцы из нижненемецких земель²⁹. М.Х. Харткнох писал в 1684 году о наличии на Самланде «Судавского угла» (правда, со ссылкой на Хенненбергера) и о том, что этноним (Nahmen) «судава» «еще обыкновенно употребляется» на Самланде³⁰. Однако употребление этого топонима было, очевидно, уже в значительной степени анахронизмом.

Процесс этнической деградации «угла» прослеживается и в документах. Те десять местечек, входивших в каммерамт Судуаэн, были связаны с ним лишь до 1660 года. Следующие по времени «амтрешнунги» 1672–1706 годов имеют при четырех деревнях отметку о том, что последние относятся к каммерамту Диршкайм³¹. Юридически каммерамт Судуаэн прекратил своё существование между 1706 годом, когда он упоминается последний раз, и 1712, когда очередной «амтрешнунг» Фишхаузена более его не упоминает. При этом вплоть до 1723 года употреблялся термин «большой судавский морген» («sudauische grosse Morgen»)³². Когда в 1728 году пастор Иоанн в Хайлиген-Кройце начал составлять церковную хронику, он еще использовал этноним «судава», но со ссылкой на документы архива Кёнигсберга³³, т.е. как явный анахронизм. Таким образом, начало XVIII века является рубежом, после которого история «Судавского угла» завершилась.

Роман КАЧАНОВ,
ассистент кафедры истории Балтийского региона
Российского государственного университета имени
Иммануила Канта

Орденские грамоты как источник по этнической истории Пруссии

Городская грамота Кёнигсберга (Альтштадта)*

Этническая тематика в истории Юго-Восточной Прибалтики является одной из наиболее спорных.

Многочисленные современные построения и теории зачастую противоречат друг другу, а самое главное, в недостаточной мере опираются на источники. Например, сомнения в оригинальности исторического деления прусских земель, высказанные еще в работе П.И. Кушнера, никто не опроверг с должной аргументацией¹.

В этой связи необходимо как можно чаще обращаться к аутентичным письменным историческим источникам, например к ранним документам орденского периода, с целью выявить, обработать и сопоставить содержащиеся в них сведения по этнической истории.

Один из таких документов — городская грамота Кёнигсберга (Альтштадта) 1286 года. В ней, при распределении территории и юрисдикции Ордена и города, ведется речь и о местном населении.

«Поэтому мы желаем и постановляем, что никем как нашими братьями может быть вынесен приговор, если пруссы, или замы, или человек любого племени из прислуги нашего дома по какой-либо причине в названном городе обоюдно обиделись, ранились, или убились, или что-нибудь другое совершили, что достойно судебного наказания»².

«Если вышеуказанные пруссы, замы или любой из наших служащих внутри границ владений названных горожан, немцев или других людей оскорбили, обманули, ранили или убили, но должны горожане поступки такого рода разо-

* Альтштадт — первое из трех поселений, возникших у стен основанного в 1255 году замка Кёнигсберг. Городские права оно получило в 1286 году (Лёбенихт — в 1300, Кнайпхоф — в 1327). (Очерки истории Восточной Пруссии / Г.В.Кретинин [и др.] — Калининград: ФГУ-ИПП «Янтарный сказ», 2002. — С.49.) Общие оборонительные укрепления сооружены несколько веков спустя, в 1626–1627 годах. Административное объединение трех городов осуществлено еще через столетие, по «Ратушскому регламенту» от 13 июня 1724 года. (Гаузе Ф. Кёнигсберг в Пруссии: история одного европейского города / Геттингенский исследовательский центр: публикация №457; пер. с немецкого В.Хердта и Н.Конрад. — Реклингхаузен: Биттер, 1994. С.131, 263.) (Прим. ред.)

** Текст грамоты здесь и далее цитируется в переводе автора. (Прим. ред.)

Макет Альтштадта (с замком Кёнигсберг, слева), Кнайпхофа (на переднем плане) и Лёбенихта периода 1510–1544 годов у отеля «Дом сказочника» в Светлогорске, созданный скульптором Сергеем Усачевым и его учениками в 2002–2004 годах. Фото: Игорь Ерофеев.

брать судебны, так как горожане Кульма такого рода поступки в своих владениях и свободах имеют привычку судебны разбирать»³.

Содержатся в грамоте и описания территорий.

«...И постановляем мы навечно горожанам и жителям вышеупомянутого города землю в городе рядом с Прегелем вниз до поля, что в народе Лавкен называется, для лугов, пастбищ и пашни и другого совместного пользования всякого рода и от Прегеля... измерять в Замланд на расстояние в полмили с лесами, лугами, прудами, болотами, местами рыбного промысла и всеми другими использованиями, которые сейчас имеются или позднее обнаружатся».

«...Предоставляем мы тем самым жителям названного города Кёнигсберга навечно в святом лесу, по ту сторону южнее Прегеля, который Лабум зовется, и во всех лесах, которые лежат выше границ привилегий, которые мы городу предоставили, до поля, которое называется Лаут, рубить дерево для огня и их деревянных построек...

И все-таки не желаем мы, чтобы дерево было взято без нашей воли и нашего разрешения за границами наших привилегий, во враждебной местности»⁴.

Первое упоминание наименований «прусы» и «самбы» относится к XI веку и представлено в сочинениях германских средневековых авторов, в частности в «Баварском географе» и «Истории гамбургских архиепископов» Адама Бременского⁵.

Каков действительный их смысл в контексте грамоты, ясно не вполне. Мы считаем, что речь ведется о разных группах населения, наименования «прусс» и «зам» («самб») противопоставлены и не совпадают.

Это предположение, вместе с материалом грамоты, может служить еще одним аргументом, убеждающим в необходимости использования орденских источников для решения спорных вопросов по этнической истории нашего края.

Андрей СМИРНОВ,
художник,
руководитель клуба
истории и искусств
в замке Инстербург

О РАБОТЕ НАД ИЗОМЕТРИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИЕЙ ЗАМКОВ НАДРОВИИ

Несколько лет назад у меня возникла идея: а что если создать серию изображений замков Надровии? В этих изображениях, по моему замыслу, должен был максимально соблюдаться принцип достоверности, то есть они, в сущности, могли бы представлять собой так называемые изометрические реконструкции не сохранившихся в своём прежнем виде древних сооружений. И началась работа — попытка восстановить и запечатлеть облик памятников истории в их первоизданном виде. Теперь есть уже и результат: это изометрические реконструкции в цвете трех орденских замков — Инстербурга (1999), Георгенбурга (2001), Заалау (2002) — и прусского городища Камсвикус (2004). Думаю завершить серию «портретом» замка Неттинен*.

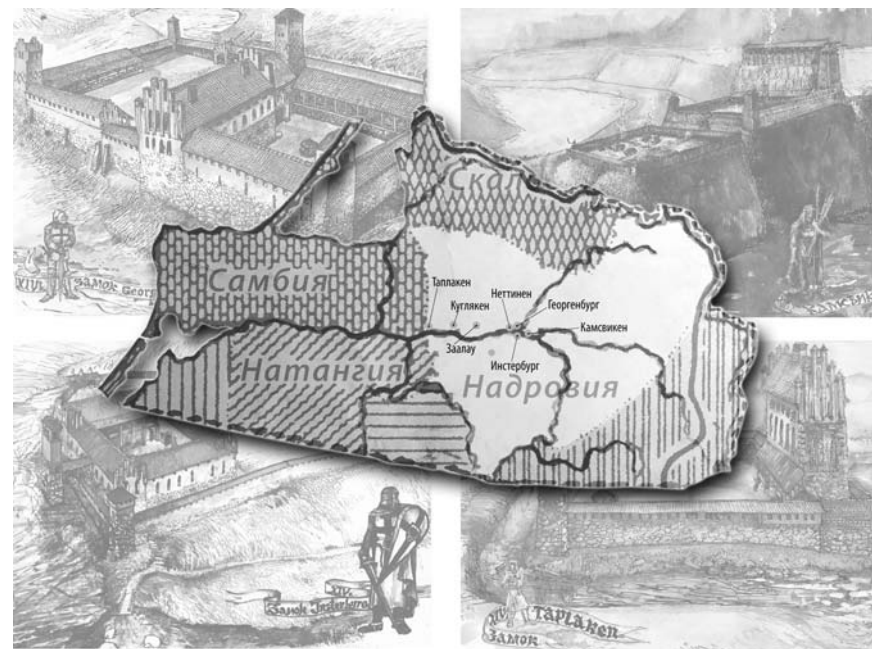
То, что на сегодняшний день получилось, — не окончательные варианты, но, на мой взгляд, более верные. С их автором можно спорить, — не исключено, что эти споры только помогут прояснить, уточнить еще какие-то детали былого облика памятников.

Как шла работа над реконструкциями? Это была многоэтапная последовательность действий, включавшая в себя сбор историко-архитектурных описаний, информации о тех исторических событиях, «свидетелем» которых был памятник, изучение современного его состояния и фотографирование, поиск каких бы то ни было изоматериалов, сохранившихся от прежних времен, прорисовка плана и его корректировка в соответствии с историческими данными, трехмерная отрисовка в нескольких ракурсах (с ориентировкой на ту или иную сторону света — север, юг и т.д.), изучение архитектурных особенностей на основе документов или литературных произведений (например, в работе

над реконструкцией Георгенбурга помог роман В. фон Симпсона «Барринги») и внесение в рисунок, а также создание «провокационного конспекта». Поясню, что я имею в виду, когда говорю о «провокационном конспекте». Вот, например, получился уже какой-то более или менее приемлемый вариант (я считаю его «промежуточным», «сырым»). Нужна доводка, доработка. Я ксерокопирую этот «полуфабрикат» и кладу «на обозрение» — где-то в замке на столики, мимо которых ходят экскурсанты и разный интересующийся краеведением народ. Кто-то обязательно обращает внимание, разглядывает, дает оценку, критикует; попадают настоящие знатоки, советы которых мне действительно помогают двигаться дальше. После ряда корректировок и поправок прорисовывается «чистовой» вариант, определяется цветовая гамма, нужный ракурс, время суток и соответствующее ему освещение. Продумывается стилистическое решение оформления всей серии.

Пользуясь случаем, хочу поблагодарить двух моих добрых знакомых — Женю Дорофеева и Машу Тюленеву — за помощь и поддержку. Женя посоветовал поместить изображения замков на открытки, работал вместе со мной над компьютерным вариантом макета лицевой и оборотной сторон. Маше принадлежит идея создания «виртуальной галереи», т.е. сохранения всей серии с использованием современных технических средств.

Пробные экземпляры открыток отпечатаны типографским способом на разного типа бумаге. Таким образом, проект большей части серии, в сущности, готов, а насколько он удался, судить вам, уважаемые слушатели и зрители.

* В декабре 2008 года автор издал набор из 7 открыток серии «Замки и укрепления земли Надровия». (Прим. ред.)

Галина КАШАНОВА-ЕРОФЕЕВА,
филолог

ПРУССЫ: ЯЗЫК, ВЕРОВАНИЯ, СУДЬБА

(Этнолингвистическая справка)

«Загадочные пруссы» — говорят порой о племени, исчезнувшем некогда «с лица земли».

Кто такие пруссы? Когда и откуда пришли они на землю, которая позже стала называться Пруссией? Во что веровали? С какими племенами, народами «состояли в родстве»? И наконец, куда «пропали»?

На эти и другие вопросы ученые разных стран — исследователи мифологии, фольклора, археологи, этнологи, лингвисты — с некоторых пор ищут ответы, стремясь утраченное восполнить достоверным знанием. Возникла даже особая наука — **прутенистика (пруссистика)**, которая, в свою очередь, является составной частью балтистики — «комплекса филологических дисциплин, изучающих балтийские языки, материальную и духовную культуру балтоязычных народов». В балтистике различают область, связанную с изучением балтийских языков, фольклора, мифологии и т.п. как некоего целого, и частные области, посвященные отдельным балтийским традициям: уже названную нами прутенистику, а также латониистику (исследование латышской культуры) и литуанистику (исследование литовской культуры) [ЛЭС, с.65].

Литературы вышло немало. Мы же обратимся к отечественным справочным изданиям — таким, как Лингвистический энциклопедический словарь (ЛЭС), двухтомная энциклопедия «Мифы народов мира» (МНМ), историко-этнографический справочник «Народы мира» (НМ) и некоторые другие. Притом, что книги эти рассчитаны не только на специалистов, они имеются далеко не в каждом доме, да и не в каждой библиотеке.

Кто первым стал изучать народ, которого ныне уж нет на этнографической карте мира? В Лингвистическом энциклопедическом словаре содержатся сведения о том, что изучение прусского языка — еще «живого» — началось в конце XVII века (Х.Гарткнох, 1679), но интерес к нему в XVIII веке угас, а возобновился лишь в 20-х годах XIX века и был связан как с романтическим интересом к архаике, так и со становлением сравнительно-исторического языкознания [ЛЭС, с.66]. В середине XIX века заметный вклад в изучение прусского языка внесли Бопп, В.Пирсон, И.Фойгт, и в особенности Г.Г.Ф.Нессельман (именно им было введено в 1845 году общее название индоевропейских языков Прибалтики как балтийских), составивший, в частности, словарь прусского

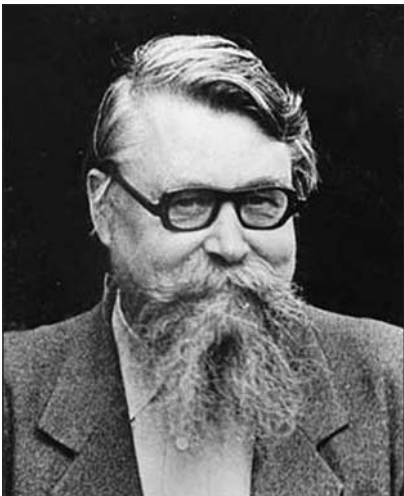

Х.Гарткнох.

языка (1873). «В конце XIX появляются грамматики прусского языка (Бернекер, 1896; В.Шульце, 1897), фонетические, акцентологические, морфологические и этимологические исследования (Фортунатов, Ф. де Соссюр, А.Брюкнер, К.Уленбек, Миккола, Э.Леви, Ф.Лоренц, Ф.Клуге и др.)» [ЛЭС, с.66]. Беценбергер занимается текстологическим изучением прусского языка и интерпретацией многих языковых фактов. Траутман публикует фундаментальное описание прусского языка, включающее тексты и полный словарь к ним (1910), позже издает словарь прусских личных имен (1925), «который вместе со словарем прусских топонимов Герулиса (1922) значительно расширил представления о лексике прусского языка» [ЛЭС, с.66]. Эти два ученых, а также Беценбергер и Буге — авторы первых исследований в области диалектологии прусского языка. В 1920–30-е годы успешно работают Н. ван Вейк, Э.Бенвенист, Э.Микалаускайте,

И.Матусевичюте и др., но в целом интерес к прусскому языку заметно падает. В 1940–50-е годы исследования в этой области появлялись редко; наиболее значительная работа этого периода — книга Эндзелина о прусском языке (1943, 1944), отличающаяся строгостью, точностью конкретных выводов и содержащая детальное исследование графики.

«Начало современного этапа в развитии прутенистики относится к 1960-м годам, когда увеличивается число исследований, углубляются методы интерпретации, достигаются важные результаты. Особое место занимают труды и публикации Мажюлиса (ср. «Памятники прусского языка», т.1-2, 1966–81, и подготовленный к печати этимологический словарь) и Шмальштига («Грамматика прусского языка и дополнения к ней», 1974, 1976)» [ЛЭС, с.66]. В 1970–80-е годы прусский язык исследуют Ф.Хинце, В.Смочинский, Ф.Даубарас, Дж.Ф.Левин, А.П.Непокупный, В.В.Иванов, Зинкявичюс, Л.Налепа и др. Для нового этапа изысканий характерен интерес к вымершим «малым» балтийским языкам, известным лишь по очень скудным данным (отдельные слова, обычно личные и местные имена). Изучается ятвяжский язык, оживился интерес к галиндскому (голядскому) языку. «После классических работ Эндзелина и Кипарского внимание ряда исследователей снова обращается к куршскому языку. Диалектологи пытаются в современных говорах балтийских языков выделить звуковые особенности вымерших куршского, земгальского, селонского языков» [ЛЭС, с.66].

Академик В.Н.Топоров.

Огромный вклад в изучение прусского языка внес академик В.Н.Топоров (1928–2005), автор работ в области славистики, баллистики, индоевропеистики, русистики, общего и сравнительного языкознания; исследований по проблемам фольклора, мифологии, поэтики, лингвистики, семиотики, культурологии; словаря «Прусский язык» (т.1-5, 1975–1990) [ВБЭС, с.758]; ему же принадлежат статьи в целом ряде энциклопедических словарей и справочников, в том числе и в тех, к которым мы сейчас обращаемся.

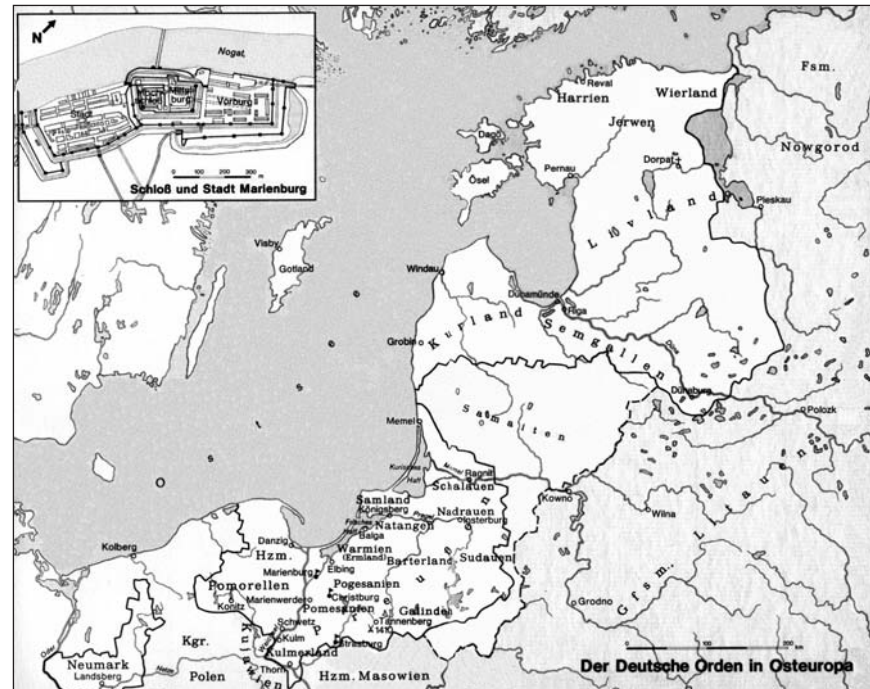
Итак, что, в общих чертах, известно о прусском языке?

Прусский язык относят к группе **западнобалтийских** языков. Иногда его называют древнепрусским для отличия от прусских говоров немецкого языка.

«На прусском языке говорили в Юго-Восточной Прибалтике, к востоку от Вислы (Восточная Пруссия); с начала 2-го тысячелетия территория его распространения сокращалась. К началу XVIII века прусский язык вымер, потомки пруссов перешли на немецкий язык». [ЛЭС, с.404]. Однако прусский язык не исчез бесследно, остались письменные памятники: «Эльбингский немецко-пруссский словарь (немногим более 800 слов), около 1400 года; прусско-немецкий словарик Симона Грунау (около 100 слов), начало XVI века; 3 катехизиса на прусском языке (перевод с нем.): 1545 (1-й и 2-й катехизисы), 1561 (3-й, так называемый Энхиридион, самый обширный текст на прусском языке); отдельные фразы и слова, сохраненные в описаниях пруссов; прусская стихотворная надпись (2 строки), XIV век. Сведения о прусском языке дают также топонимия и антропонимия, отчасти прусские заимствования в прусских говорах немецкого языка, в польском и западнолитовском говорах. Все памятники отражают результаты сильного немецкого и более раннего польского влияния, а сам прусский язык предстает в значительно изменившемся виде» [ЛЭС, с.404].

Исследователи выделяют в прусском языке два диалекта: помезанский (более западный, о нем можно судить по Эльбингскому словарю) и самландский, или самбийский (более восточный, на котором написаны все катехизисы). «В целом прусский язык отличается сочетанием архаизмов и новообразований. В лексике большое количество польских и немецких заимствований. В ряде отношений прусский язык обнаруживает особую близость к славянским языкам» [ЛЭС, с.404].

Слово «пруссы» не самоназвание древних обитателей Юго-Восточной Балтики — в их обиходе было принято именование групп людей в соответствии с названиями населенных ими земель (сембы — из Самбии, натанги [нотанги] —

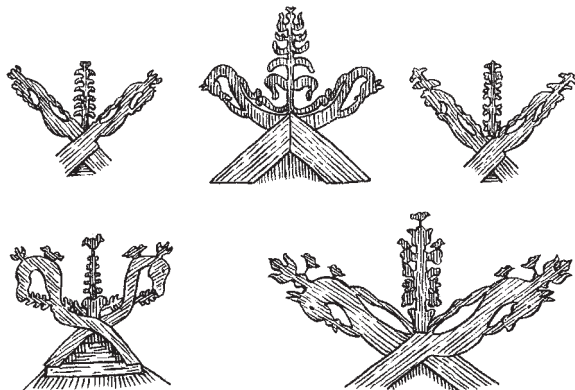

Немецкий (Тевтонский) орден в Восточной Европе. (Из кн.: Dieter Zimmerling. Der Deutsche Ritterorden. - Düsseldorf; Wien; New York: ECON Verl., 1988.)

из Натангии и т.д.). В трудах западноевропейских ученых раннего средневековья этноним «пруссы» впервые встречается в IX веке (анонимный «Баварский Географ»). По названию этого племени и вся занимаемая им территория на средневековой латыни стала именоваться Пруссией (более ранние варианты: «Боруссия», «Брутения», «Прутения») [Кулаков, с.3–14].

Языки ятвягов (они же судава, ср. Судавию как одну из прусских земель) и галиндов были близки прусскому и, возможно, являлись его диалектами. Они должны быть отнесены вместе с прусским языком к числу западнобалтийских языков (в отличие от литовского и латышского, восточнобалтийских). Именно эти балтийские языки и соответственно племена раньше всего стали известны античным писателям (ср. «айстиев» Тацита, 98 год н.э., балтийское население южного побережья Балтийского моря; «галиндов» и «судинов» Птолемея, II век н.э.) [ЛЭС, с.64].

Территория распространения ятвяжского языка включала северо-восток Польши, Южную Литву, смежные районы Белоруссии (Гродненщина и др.); остатки его существовали, видимо, до XVIII века, а некоторые следы сохранились в речи литовцев, поляков и белорусов названного ареала. На галиндском (или голядском) говорили на юге Пруссии и, видимо, в Подмосковье, на реке Протва, о чем можно судить только по небольшому количеству топонимического

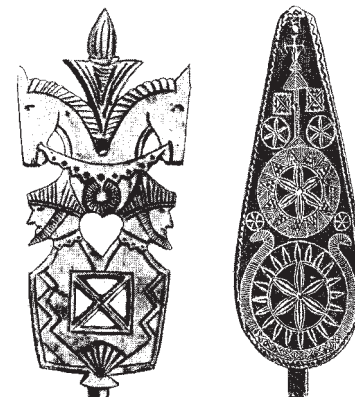
Коньки крыш с парными конскими головами. Литва.

материала, локализуемого в Галиндии (по документам XIV века) и, вероятно, в бассейне Протвы (ср. «гöлядь» русской летописи). Куршский был языком населения побережья Балтийского моря в пределах современных Литвы и Латвии; он исчез к середине XVII века и оставил следы в соответствующих говорах латышского, а также литовского и ливского языков. О селонском, или селийском (часть Восточной Латвии и северо-восток Литвы), свидетельствуют документы XIII-XV веков. Остается неизвестным название языка (или языков) балтийского населения на восточнославянских территориях.

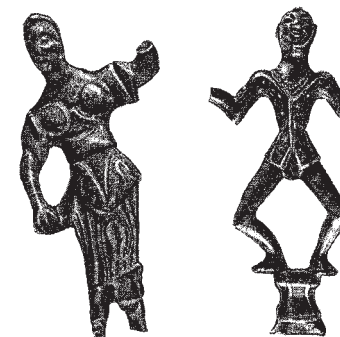
«Судя по данным топонимии (особенно гидронимии), балтизмам в славянских языках, археологическим и собственно историческим данным, в 1 тыс. — нач. 2 тыс. н.э. балтийские языки были распространены на обширной территории к югу и юго-востоку от Прибалтики — в Верхнем Поднепровье и вплоть до правых притоков верхней Волги, Верхнего и Среднего Поочья (включая западную часть р.Москва и территории современного г.Москва), р.Сейм на юго-востоке и р.Припять на юге (хотя бесспорные балтизмы отмечены и к югу от нее). Можно говорить о балтийском элементе и к западу от Вислы — в Поморье и Мекленбурге, хотя происхождение этих балтизмов не всегда ясно. Ряд топонимических изоглосс объединяет балтийский ареал с Паннонией, Балканами и Адриатическим побережьем. Особенности ареала распространения балтийских языков в древности объясняют следы языковых контактов с финно-уграми, иранцами, фракийцами, иллирийцами и т.д.» [ЛЭС, с.64].

Современные балтийские языки представлены литовским языком (самым архаичным из всех живых индоевропейских языков и потому вызывающим особый интерес ученых разных стран) [ЛЭС, с.66] и латышским языком (иногда особо выделяют и латгальский язык) [ЛЭС, с.64]. Ареал их распространения ограничивается восточной Прибалтикой (Литва, Латвия, северо-восточная часть Польши — Сувалкия, частично Белоруссия).

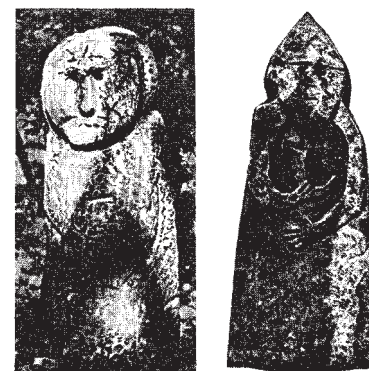
«Балтийские языки полнее сохраняют древнюю индоевропейскую языковую систему, чем другие современные группы индоевропейской семьи языков. Существует точка зрения, согласно которой балтийские языки представляют собой остаток древней индоевропейской речи, сохранившейся после выделе-

Слева — прялка с парными мужскими и конскими головами. Справа — солярные знаки на прялке. Литва.

Средневековые бронзовые статуэтки божеств. Литва.

Прусские каменные идолы. Польша.

ния из этой семьи других индоевропейских языков. Внутри группы древние индоевропейские диалекты балтийские языки тяготеют к ее восточной части (индоиранские, славянские и др. языки)... Особенно близки балтийские языки к славянским языкам». Исключительная близость этих языковых групп объясняется по-разному: «принадлежностью к одной группе индоевропейских диалектов, находившихся в близком соседстве и переживших ряд общих процессов, продолжавших еще тенденции индоевропейского развития»; «относительно поздним территориальным сближением носителей балтийских языков и славянских языков, обусловившим конвергенцию соответствующих языков, в результате которой выработались многие общие элементы»; «наличием общего балто-славянского языка, предка балтийских языков и славянских языков» — согласно теории «балто-славянского праязыка», из индоевропейского праязыка сначала выделился балто-славянский праязык, позже распавшийся на прабалтийский и праславянский [ЛЭС, с.460]; наконец, «исконным вхождением славянских языков в группу балтийских языков, из которых они выделились относительно поздно (на южной периферии балтийского ареала)», — «с этой точки зрения, балтийские языки выступают как предок славянских языков, соседствующий во времени и пространстве со своим потомком». Тесные генетические связи объединяют балтийские языки с древними индоевропейскими языками Балкан (иллирийским, фракийским и др.) [ЛЭС, с.64].

«По археологическим и лингвистическим источникам, ранняя область обитания носителей древней индоевропейской культуры в 4-3 тыс. до н.э. локализуется в южнорусских степях, на юго-востоке Европы и северо-востоке Передней Азии. В хозяйстве индоевропейцев скотоводство преобладало над земледелием:

Боевое знамя («знамя Видевута») с изображением триады прусских богов первого уровня (Патолс, Перкунс, Потримпс) и герб прусского вождя.

С. 39. Священный дуб в прусском святилище Ромове. Старинная гравюра.

В общебалтийском пантеоне первое место занимает бог, обитающий на небе, главный среди богов: литов. *dievas*, Диевас; латыш. *dievs*, Диевс; прус. *deiws*, Дейвс. (В общеиндоевропейской мифологической системе главный объект обозначался основой **deiuo*, “дневное сияющее небо”, понимаемое как верховное божество, а затем и как обозначение бога вообще и класса богов, ср. др.-инд. *deva*, дева — “бог”, собств. “небесный”, от *div-*, “сиять”; *dyaus*, “небо”, — Дьяус как божество; авест. *daeva*, “дэв”, “демон”, греч. *Zeús*, род. падеж *Diós*, “Зевс, бог ясного неба”; лат. *deus*, “бог”, *dies*, “день”; др.-исл. *tivar*, “боги”, и т.д. [МНМ, т.1, с.528].) Иногда этот главный бог имеет и другие названия, например прус. *Окопирмс*, “самый первый”. Диевас стоит над всеми богами, но, помимо участия в событиях, о которых повествуется в мифах, составляющих наиболее архаический пласт балтийской мифологии (в мифе о небесной свадьбе Диевас персонифицирует сияющее небо) [МНМ, т.1, с.378], в целом он пассивен, не влияет непосредственно на судьбы людей, “стоит вне мифологических сюжетов”. У него есть помощники и дети. Нередко его помощником оказывается громовержец Перкунас (литов. *Perkunas*, латыш. *Perkops*, прус. *Perkuns*; ср. слав. *Регуль*, др.-рус. *Перунь*, *Перун*) [МНМ, т.1, с.529]; впрочем, часто Перкунас смешивается с Диевасом и выступает в его качестве. Перкунас является наиболее активным, грозным и мощным мифологическим персонажем; бог грома и молнии воплощает военную и — косвенно — хозяйственную, имеющую отношение к плодородию, функцию. Ему противопоставит Велняс (литов. *Velnias*,

ведущей отраслью было коневодство (конь — главное культовое животное), что способствовало (наряду с изобретением колесниц) интенсивным передвижениям индоевропейских племен в 3–2 тыс. до н.э. по Европейскому матерiku, а через Кавказ и Центральную Азию — вплоть до Индостана. Археологические и языковые данные позволяют предположительно восстанавливать этапы расселения и этнической истории индоевропейцев вплоть до сложения исторически засвидетельствованных этносов и культур. Археологические свидетельства о ритуалах — погребальные памятники (курганы), остатки жертвоприношений, предметы культа — служат не только источником для реконструкции мифологии и культа, но и критерием для ее проверки (соотнесение археологических и лингвистических данных)» [В.В.Иванов и В.Н.Топоров: МНМ, т.1, с.527]. В германской, балтийской и славянской традициях сохранился своеобразный «отголосок» древнего культа коня — коньки крыши и т.п. [МНМ, т.1, с.528].

Балтийская мифология имеет много общего со славянской мифологией; «...в ряде случаев эта близость столь велика, что дает основания предполагать общие балто-славянские истоки» [МНМ, т.1, с.154].

Мифология балтийских племен также отличается особой архаичностью [МНМ, т.2, с.450]. «Наиболее индивидуальный вариант представлен прусской мифологией. Прежде всего прусский пантеон наиболее оформлен, его персонажи (исключительно мужские) четко дифференцированы не только по функциям, но и по своей внешности...» [МНМ, т.1, с.155].

Vielona, латыш. Velns, Vels; общеиндоевропейское исходное имя с корнем *uel-, ср. др.-рус. Велес, Волос, др.-инд. Vala, Вала), в культе которого есть следы его связи со скотом (конями, быками, свиньями), что, очевидно, свидетельствует о продолжении древней индоевропейской традиции, согласно которой загробный мир представлялся как пастбище. Это божество связано с нижним миром, со смертью и одновременно с плодородием. Громовержец, обитающий на небе, на горе (ср. хетт. *reguna-*, “скала”), вверху, преследует своего противника, живущего на земле, внизу (нередко противник имеет змеевидную природу). Иногда в фольклоре указывается причина гнева громовержца — связь его противника с женой Перкунаса или похищение ее, людей, скота. Преследуемый противник прячется за разные предметы (дерево, камень), обращается в корову, в человека (а также и в других животных, в т.ч. в кошку). Громовержец на колеснице, запряженной конями или козлами, с медным или даже каменным оружием нападает на противника, мечет молнию, раскалывает дуб и камень, убивает противника, после чего начинается дождь, приносящий плодородие. Иногда упоминается помощник громовержца (мифический кузнец Кальвис). В этом виде основной миф, составляющий главный сюжет балтийской мифологии, восстанавливается бесспорно для литовской и латышской традиции и косвенно (в виде отдельных мотивов) для прусской. «Ближайшие параллели балтийскому варианту основного мифа содержатся в белорусской традиции, которая впитала в себя многочисленные элементы балтийской мифологии, и в реконструируемой праславянской мифологии...» [МНМ, т.1, с.154].

Громовержец и связанный с ним основной миф стоит и в центре древней индоевропейской мифологии. Ядро мифа составляет поединок громовержца с противником, который, как повелитель загробного мира, связан с властью и богатством (ср. тохар. *walo*, “царь”, слав. * *volstь*, рус. “власть, владыка”, словац. *last*, “собственность”); скот (его основное богатство) являет собой символ потустороннего мира — пастбище, на котором пасутся души умерших. Победа громовержца, как и в мифах балтов и славян, знаменуется дождем, приносящим плодородие [МНМ, т.1, с.530].

В зависимости от функций мифологических персонажей, степени их актуальности для человека внутри балтийской мифологии выделяется несколько уровней. Первый уровень объединяет высших богов, входящих в общепалтийский пантеон и в мифологические сюжеты, — уже упоминавшихся Дейвса и Перкунаса, а также Тримпса (Потримпса) и Патолса (впоследствии этот круг расширился: в него были включены новые мифологические персонажи). Второй уровень в основном составляли божества, связанные с хозяйственными циклами — Пергрубрюс, Пушкайтс, Аушаутс, Пильвитс и др. Третий уровень мог включать мифологических персонажей, характеризующихся наиболее абстрактными функциями, — Лайма, “судьба”; Гильтине, “смерть”, и т.д. Четвертый уровень — это, как правило, персонажи, которые открывают мифологизированную историческую традицию: например, Швинторог как основатель новой ритуальной традиции или Гедимин как основатель Вильнюса и др. Прусы чтили своих генеалогических героев — Видевута и Брутена, родоначальников светской и духовной власти [МНМ, т.1, с.157]. Видевут и Брутен — культурные герои,

Ein alter heidnischer Preuß.

Прусская свадьба. Гравюра XVI в.

Прусс-язычник в представлении неизвестного художника XVII в.

братья — возможно, близнецы, — которые, согласно источникам, прибыли в Пруссию по морю к устью Вислы. Видевут — *Widewuto*, *Widowuto*, *Witowudi* — учредил у пруссов социальную организацию, светскую власть, был избран “королем”. Брутен — *Vruteno*, *Vrudeno* — основал главный прусский культовый центр Ромове и воздвиг там “жилище” для богов Патолса, Потримпса и Перкунаса, сам же стал первым верховным жрецом Криве-Кривайтисом. Эта триада богов была изображена на знамени Видевута и на священном дубе в Ромове, причём Патолс и Потримпс составляли божественную пару близнецов, земным воплощением которой были, по-видимому, Видевут и Брутен [МНМ, т.1, с.235]. К этому уровню могли также относиться некоторые мифологические персонажи (нередко отрицательные) — Велняс, Велнс (в сниженном варианте “черт”) и т.п. Пятый уровень включает сказочных персонажей и духов — хозяев леса, воды, поля и других урочищ. К шестому уровню принадлежат неиндивидуализированные духи, образующие целые классы, — например, прусские Барздуки (гномы). Седьмой уровень включает человека в его мифологизированной ипостаси, прежде всего как носителя души, духа и как участника ритуала. К тому же уровню относятся разные категории жрецов, хорошо известные у пруссов и литовцев, — например, прус. вайделоты, нурути, тулисоны, лигашоны и т.д., — а также все, что связано с ритуалом, аграрными и другими праздниками.

Многие мифологические образы и мотивы сохранились в фольклоре литовцев и латышей, что сыграло немалую роль в становлении культуры этих народов.

В этно-историческом справочнике «Народы мира» мы не найдем статьи «Прусы» или, например, «Ятвяги»: в нем представлены сведения только о народах, населяющих нашу планету в современную нам эпоху. Обратимся к материалам о наших прибалтийских соседях.

«Литовцы, летувайя (самоназв.)... Относятся к беломорско-балтийской расе большой европеоидной расы...

Основой формирования литовцев были балтийские племена скотоводов и земледельцев, предки которых, носители неолитической культуры ладьевидных топоров, проникли в бассейн рек Неман и Даугава в к. 3 — нач. 2 тыс. до н.э., ассимилировав местное население. Полностью в состав литовской народности из этих племен вошли собственно литовцы, или аукштайты (литва русских летописей), жемайты (жемойты, жмудь), скальвы (скалавы) и надрувы, а также часть судавов (ятвяги), южные группы куршей (корсь), земгалов (земигола) и селов, часть северных пруссов (бартов, нотангов, сембов). Скальвы, надрувы и часть пруссов образовали в XVI веке субэтническую группу летувинников (литовников).

В IX-XII веках возникли феодальные отношения, постепенно складывалась литовская народность. Этнической консолидации литовцев способствовало образование в 1-й пол. XIII века Литовского государства. <...> В XIII-XV веках окончательно сформировалась литовская народность. В 1547 году появилась письменность на латинской графической основе. Литературный язык начал складываться на основе аукштайтского диалекта с XVII века. <...> Во 2-й пол. XIX века с развитием капитализма складывается литовская нация...» [НМ, с.256–257].

«Латыши, латвиешы» (самоназвание, от этнонима др.-латв. народности латгалов, или летгалов, в русских летописях — летьгола)... В целом относится к беломорско-балтийской расе (с чертами атлантико-балтийской расы) большой европеоидной расы. <...>

Предками латышей были балтийские племена, поселившиеся на территории Латвии в 3 — 2 тыс до н.э. В нач. 1 тыс. н.э. сформировались близкие в культурном отношении этнические образования: на побережье Балтийского моря — курши, севернее р.Даугава — латгалы, в бассейне р.Лиелупе — земгалы, в юго-вост. Латвии — селы. В к. 1 — нач. 2 тыс. н.э. у них возникли ранне-феодальные отношения, начала складываться единая латышская народность. Этот процесс был заторможен в к. XII — нач. XIII веков вторжением немецких феодалов-крестоносцев. В XVI-XVII веках часть территории Латвии была разделена между Речью Посполитой и Швецией. Длительная политическая раздробленность способствовала сохранению особенностей в языке и культуре различных областей Латвии (Латгалии, Курземе, Видземе). В 1525 году издана первая книга на латышском языке. На основе среднелатышского диалекта в сер. XIX века сложился литературный язык...» [Х.П.Стродс: НМ, с.248–249].

Мы сочли нужным привести достаточно обширные цитаты из статей справочника, которые не только дают представление о формировании близких нам этносов, но и позволяют в определенной мере проследить судьбу исчезнувших племен.

Потомки пруссов, оставшихся на завоеванных Тевтонским орденом и заселенных колонистами из германских земель территориях, перешли, как уже упоминалось, на немецкий язык.

О пруссах Надровии, живших близ замка Инстербург, доктор Грунерт, руководитель Общества древностей Инстербурга, писал следующее: приток сюда немецких поселенцев из-за беспокойного времени был весьма ограниченным,

к тому же прусские крестьяне уже в немалой степени застроили землю, и Орден не только «не истреблял этих подданных, которые могли быть ему полезны», но, напротив, «оказывал поддержку их поселениям, предоставляя твердую правовую основу и суды, а также лучшие формы хозяйствования, прежде всего железный плуг». Из древнепрусских имен «значительная часть и поныне жива как фамилии, даже если мы не можем доказать, что жившие позже в Инстербурге Перкуны, Атцподины и другие произошли именно от пруссов из Надровии или Дайке от Тайко, Лукаты от Локотте, Герлахи от Гирлаха, Геттканы от Гедеканта и т.д. Фамилии, кажущиеся нам совершенно привычными, такие как Ланге, Вессель, Зуркау, Гланд, могут быть древнепрусскими... и происходить от встречающихся в документах того времени имен, которые носили тогдашние жители Инстербурга и его окрестностей. Можно выявить также сплав с немецкими именами и ассимиляцию. Все это свидетельствует о том, что значительную часть населения вокруг замка в начальную пору его существования составляли пруссы, в отличие от более старых орденских замков, преимущественно на западе, которые собирали вокруг себя только немцев». «В XIX веке в городе стало появляться все больше литовских фамилий, но семьи за ними стояли немецкие. Не просто по доброй воле, но и на протяжении жизни уже пяти и более поколений литовцы роднились с немцами и пруссами, а также с иммигрантами XVIII века» — швейцарцами и зальцбургцами. Говоря о людях, которые «создали Инстербург», В.Грунерт подчеркивает, что «это были немцы, включившие в свой состав древних пруссов» [Insterburg im Bild, Bd.1, S.37–49].

Алексей ЛАЛЭКО,
преподаватель исторического краеведения
школы-интерната №3 г.Калининграда,
член Калининградского клуба краеведов

О КРАЕВЕДЕНИИ И СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Уважаемые коллеги! Спасибо за интересные и содержательные доклады, которые мы сегодня услышали. Но, к сожалению, все это остается достоянием лишь небольшого круга историков и краеведов, которые хорошо разбираются в сложной и подчас противоречивой истории Пруссии. Население же в основном получает сведения из средств массовой информации, и очень часто с большими искажениями и неточностями.

Самый свежий пример — сегодняшний номер газеты «Каскад». Здесь опубликована большая статья, посвященная городу Инстербургу-Черняховску. И в глаза бросается снимок замка Георгенбург, а подпись — не верь глазам своим! — гласит, что это замок Инстербург.

Подобного рода ошибок, к великому сожалению, допускают журналисты очень много. Я приведу лишь несколько примеров таких «ляпов», хотя на самом деле их десятки, если даже не сотни.

Например, газета «Аргументы и факты» помещает на своих страницах статью о штурме Кёнигсберга, в которой приводятся сравнительные данные о вооружении вермахта и Красной Армии во время штурма и указывается такое соотношение немецких и советских танков — 1:100. Известно, что в красноармейских частях, бравших город, насчитывалось более 500 танков, т.е. получается, что у немцев в Кёнигсберге их было всего 5 (5 против 500!). Один, значит, стоял в центре, а остальные прикрывали, соответственно, север, восток, юг и запад.

Далее. 9 апреля 2004 года Калининградское телевидение в утреннем выпуске новостей сообщает: при штурме города-крепости Кёнигсберг погибло 300000 солдат и офицеров Красной Армии. Хотя всего в штурме участвовало 137500 военнослужащих Красной Армии.

«Ляпы» допускаются не только местными СМИ, но и центральными. Даже в такой солидной газете, как «Известия», появляется (в июле 2003 года) заметка о том, что король Оттокар II заложил замок Кёнигсберг и героически погиб, защищая его вместе с пруссами (!) от напавших крестоносцев.

...А впереди — 750-летие Калининграда, 60-летие Победы. Что еще мы прочитаем и услышим от иных, мягко говоря, малокомпетентных журналистов — одному только Всевышнему известно...

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ОТ РЕДАКЦИИ

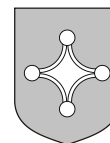
Остается только сожалеть о том, что ошибки и неточности в краеведческих рубриках СМИ имели и имеют место. В журнале «Мой город Черняховск» — издании, безусловно, нужном, интересном и пользующимся заслуженным вниманием жителей не одного только Черняховска (тем большая ответственность ложится на плечи издателей!) — читаем: «В 1336 году хохмейстер Дитрих фон Альтенбург основал “Дом Инстербург”, основав крепость на месте слияния рек Шернуппе и Анграпп» (2002, №7, с.56). Не будем говорить о стилистике — обратимся к фактам. Река, впадающая в Анграпу (Анграпп) там, где был построен замок Инстербург, называлась чуть иначе — Чернуппе (Tschernuppe). Далее в тексте публикации упоминается трактир Пангервиц (Pangerwitz),

именуемый здесь «Прангервиц». А как понимать такой пассаж: «Последний хохмейстер Альбрехт фон Бранденбург посредством реформ придал *орденскому светскому государству герцогству Пруссия духовную направленность*. Комплтураты были заменены главными окружными управлениями»? Однако «орденское государство» и «светское государство» суть «вещи» разные. Альбрехт Бранденбургский — действительно реформатор: орденское государство, Тевтонский (Немецкий) духовно-рыцарский орден, он преобразовал в светское государство — герцогство Пруссия. Последний великий магистр Ордена стал первым «герцогом в Пруссии» и, освобожденный от монашеского обета безбрачия, женился на дочери датского короля.

И еще одна неточность (к сожалению, не последняя в рассматриваемом материале). Цитируем: «В 1632 году курфюрст Георг Вильгельм избрал Инстербург на год своей резиденцией, впоследствии, после становления объединенного герцогства Пруссия *во главе с Марком Бранденбургом*, он стал также *курфюрстом*». Речь здесь идет прямо-таки о «подпоручике Кижее» прусской истории (как тут не вспомнить известный рассказ Юрия Тынянова?). Переводчик, видимо чрезвычайно занятой человек, не счел нужным заглянуть в лингвострановедческий словарь или хотя бы в учебник истории. Во-первых, кто «стал также курфюрстом» — Георг Вильгельм, который уже курфюрстом был, или Марк Бранденбург? А главное — никакого Марка Бранденбурга в истории Пруссии, во всяком случае в означенный период, не было! Бранденбургский курфюрст Георг Вильгельм действительно правил Бранденбургом и Пруссией, которые территориально были разобщены, а его сыну Фридриху Вильгельму («Великому курфюрсту») удалось окончательно соединить герцогство Пруссия с Бранденбургом (маркграфством, т.е. княжеством, с 1356г. курфюршеством), или Бранденбургской маркой (“mit der Mark Brandenburg”) — таково было название этой германской территории, игравшей в объединенном государстве главенствующую роль.

Не в укор редакции журнала «Мой город Черняховск» ведем речь об ошибках, но во имя истины. Не обвиняем, но сочувствуем. От ошибок никто не застрахован — и потому важно быть более внимательным при отборе материалов для публикации, при редактировании и переводе. Возьмут в руки журнал несколько сотен человек — школьников, студентов, интересующихся историей родного края людей, — а там Марк Бранденбург «родился» или еще о каких «виртуальных» лицах, реках, фактах повествуется. Так и пойдет эстафетой в умы искажение исторической истины. А это ли — наша общая цель?..

В свою очередь, будем весьма признательны за конструктивную критику в наш адрес.

Михаил ГУСАКОВ

ВИТАЛЬЕРЫ

Книга о том, как морские пираты — витальеры — занимались грабежом и разбоем на Балтийском и Германском морях в XIV и XV веках, как боролись с ними три королевства — Дания, Швеция, Норвегия, а также Тевтонский орден и Ганзейский союз и чего им стоила эта борьба.

(Начало в №5.)

Глава 4. Рассказ брата Бартоломео из Висмара

Постепенно страсти после боя начали стихать, но народ толпился на палубах. Капитан взлетел на полуют и громко объявил:

— Господа, я прошу вас поклонить колено и вознести молитву Господу нашему Иисусу Христу за то, что он даровал нам победу над нечестивцами!

Под парусами, словно в кафедральном соборе, стройные голоса монахов и воинов выводили «Pater», «Ave» и «Credo». Молитва успокоила нервы, сняла напряжение, и вот то в одном месте, то в другом зазвучали смех и шутки. Особенно усердствовали моряки и солдаты. Их крепко-солёный юмор, чаще уместный на рыночной площади, здесь звучал естественно.

— Клянусь святым Георгием, очень хочу есть, — искренне признался сэр Томас Дуглас. — Как, господа, может, мы продолжим трапезу, которую так некстати прервали эти разбойники?

— А что? И вправду нам пора воздать здравицу в честь Бахуса и приобщиться к плодам земным, — сказал рыцарь Дитрих фон Альтенберг. —

Я приглашаю всех, без разбора званий, к трапезе. Ганс, подай нам еду и вино!

Ганс, видимо, не всегда был в восторге от широты натуры своего господина, он хотел что-то возразить, но суровый взгляд хозяина пресёк его намерение. Забегали слуги, опять раскрылись походные торбы с припасами, вынырнули из мешков глиняные и деревянные кружки, господа сняли с поясов красивые турьи рога, окантованные серебряными обкладками. Появился бочонок с пивом, а вскоре ещё один. Монахи, долго постившиеся накануне, как голодные псы накинулись на свиные окорока и телятину, не отказались они и от вина, которым щедро угощал тевтонский рыцарь.

— Что, святые отцы, не рано ли вы начинаете есть скоромное? Клянусь святой Бригиттой, ваши уставы запрещают вам это.

— Да, мой господин, вы правы, — ответил монах-францисканец. — Устав нам не позволяет есть мирскую пищу, но мы усердно молились во время вашего ратоборства с демонами в обликах этих разбойников, и Господь услышал наши молитвы и даровал победу. И теперь мы можем вкушать от

Гравюра на дереве, подпись под которой гласит: «Бесстрашные монахи, отправившись через море, чтобы в устье Дюны основать монастырь в честь святого Николая...» (Дюнамюнде).

небесных даров и вашей милости. Мы честно потрудились, и Господь нам в вашем лице воздал за труды. Не так ли, мой господин?

— Ладно, Бог с тобой, святой отец. А как звать тебя?

— Брат Бартоломео. Я из монастыря святого Франциска, патрона нашего. Это недалеко от города Висмара¹. Туда я и мои братья направляем свои стопы. Мы были в Пруссии и несли Слово Господне язычникам, но теперь настал час вернуться к своим пенатам.

— Хорошо, пей, брат Бартоломео, вот тебе за твои смиренные речи рейнского.

— Благодарю святого Франциска и вашу милость, сэр Томас.

— А скажи-ка, почему у тебя такое красное лицо и руки в струпьях? Уж не болезнь ли святого Лазаря² посетила твоё бренное тело?

— Увы, мой господин, это не болезнь, а кара небесная за мою трусость и страх.

— Что ты говоришь! А ну-ка, расскажи, как это было. Мы просим тебя всей компанией, тем более что нам никто не угрожает и у нас есть время послушать тебя, Божий послушник.

— Что ж, если вам угодно, господа, — извольте...

И вот что поведал спутникам монах-францисканец, брат Бартоломео из города Висмара.

— Славный город Висмар, как известно, входит в большой купеческий союз под названием «Ганза». Горожане Висмара — народ богомольный и благопристойный. Но так уж Господу было угодно, что люди на всём побережье Балтийского моря мира не ведали. Шведский король Альбрехт Мекленбургский решил потеснить ганзейских купцов в их торговых делах и выгнать их из своих владений, особенно из южных шведских провинций, которые принадлежали датской королеве Маргарите³. Было это в лето 1388 от воплощения Господа нашего Иисуса Христа. Напал он со своим войском на датские берега, а флоту своему приказал нападать на ганзейские города Любек, Гамбург, Росток и другие и топить и захватывать все корабли, которые шли под ганзейским флагом. Был в этом страшном списке и наш город Висмар. Датчане, в свою очередь, напали на шведов и позвали на помощь ганзейцев. Но купцы долго собирались, кораблей не хватало: многие были в море и в дальних портах. Что делать? Вот тут-то ганзейцы и придумали: а не попросить ли морских разбойников? Они жили тогда на острове Готланд, у них было что-то вроде братства. Звали их по-разному:

Тевтонский орден в XIV в.

одни — «братья Бога и всего мира», другие — «братья-кормильцы», третьи — «витальеры». Но как бы их ни называли, деяния их были сравнимы с происками сатаны. На парусах они малевали чёрных жуков, лица прятали под капюшонами и масками. Кораблей у них было много, но таких больших, как этот, — никогда. И вот знатные горожане Росток и Висмара, с согласия патрициата Ганзы, дали витальерам каперский патент и разрешили им входить без препятствий в порты городов, пополнять провиант и вооружение. Это было роковой ошибкой, — застал брат Бартоломео. — Явно это был дьявольский подвох. Разум и осторожность изменили именитым мужам союза. Нельзя овцам пастись на одном пастбище с волками! Господи, как ты мог допустить такое?! Было то ровно десять лет назад, — продолжал брат Бартоломео, — ближе к зиме. Корабли города Висмара уже вернулись в порт

и стояли на приколе. Моряки разошлись по домам в ближайшей округе. В городе оставалась только городская милиция, солдат не было. Кто будет на зиму глядя воевать? И вот как-то на рассвете, в глубоком тумане, тихо в гавань вошла пиратская флотилия, без трубных звуков, без сигнальных огней. Корабли подошли к пирсу, и «братья-кормильцы» высадились в городе. В ратуше главарю флотилии витальеров отказали в выдаче провианта и оружия. (Как говорили очевидцы, это был Мантейфель — человек-чёрт! Рассказывали также, что у него на голове росли рожки, как у чёрта. Но я этого не знаю, врать не буду.) Тогда разбойники разозлились и решили наказать горожан. Они начали бесчинствовать в ещё спавшем городе. Они врывались в дома честных граждан, убивали мужчин, калечили стариков и детей, издевались над женщинами... Господи, прости меня!..

Они отбирали всё, что попадалось им на глаза. В городе занялись пожары. Часть разбойников захватила арсенальную башню, а из подвалов крепости выпустили всех воришек и убийц. Говорили, что многие из них потом ушли в море грабить и убивать. Я с братией своей спал на чердаке постоянного двора. Когда мы услышали шум на улице, то бросились во двор. Там стояло много бочек с селёдкой. Вот тут я от страха и залез в одну из них. Она наполовину была с расолом. Но что было делать? Я боялся. Я очень испугался!.. Господи, спаси и сохрани!.. Я начал истоиво молить Бога о спасении в своём узилище...

Среди присутствовавших за трапезой стал раздаваться смех. Не выдержал и сэр Томас Дуглас, который закатился безудержным хохотом, у него даже выпала из рук здоровенная кружка с пивом и залила ему камзол.

— Простите меня, брат Бартоломео, за мою несдержанность. Но положение у вас было, надо сказать, весёлое.

— Бог вас простит, юноша. Грешно смеяться над несчастным человеком. Да... Вот я и просидел в бочке с расолом, пока не кончилась резня в городе. Я вышел уже ближе к ночи, но в городе от пожаров было светло как днём. Братьев своих я не нашёл.

ГЛАВА 5. Рассказ капитана корабля «Провидение Господне» о морской блокаде города Брюгге, а также о том, как витальеры освободили город Стокгольм.

— ...Я родился в городе Штральзунде в год, когда был подписан великий мир в лето 1370. По этому миру Балтийское море от пролива Скагеррак до финских вод принадлежало ганзейским городам. Датчане начисто

На улице лежало много убитых и раненых, но у меня так болели глаза и руки, что я даже не мог прочитать умирающим и страждущим ни одной молитвы. Городские ворота были разбиты. Не помню, как я добрался до монастыря, где нашёл помощь и заботу от настоятеля и братии. Господу было угодно оставить меня в живых, чтобы узреть своими глазами все ужасы той роковой ночи. Так после того я и ношу следы Господней печати за мою трусость и душевную слабость, — закончил монах.

— А что было дальше, брат Бартоломео? — закричали англичане. — Куда делись пираты, они что — ушли из города?

— Господа, простите, но я не знаю, что было дальше. Я долго болел, почти всю зиму, и только после Рождества я встал на ноги и пошёл с миссией в Кёнигсберг, где мы и встретились.

— Да... Грустная история, — сказал капитан, который только несколько минут назад подошел к сотрапезнику. — Но я знаю продолжение этой истории.

— Расскажите, капитан, расскажите, мы все ждём продолжения, — загалдели нестройными голосами лучники.

— Ну что ж, господа, тогда слушайте дальше...

поручил ему очистить море от морских разбойников — «братьев Бога». Их столько расплодилось — как крыс на мельнице! Куда ни поплывешь — везде наткнешься на них. Вот и решили от них разом избавиться. Три года и три навигации мы гонялись за ними по всей Балтике. Но они все время скрывались на своих тайных стоянках. То одну зиму проведут на Готланде, то на Аландских островах, то вдруг устроятся чуть ли не под носом у нас — в Борнхольме. Никак мы не могли их поймать и уничтожить. А тем временем даны за годы мира с Ганзой сумели собрать силы, построили много новых кораблей и решили дать бой шведскому королю Альбрехту Мекленбургскому. Сначала отняли у него Скону⁴ и все южное побережье Швеции, вернули себе Борнхольм и начали осаждать город Стокгольм, что рядом со столицей Упсалой. Стали они нападать и на наши корабли, ганзейские торговые суда, и уводить их в свои порты. А тут еще одна напасть: от союза городов решил отложиться город Брюгге, что во Фландрии. Нам был отдан приказ наказать смутьянов, и наш большой флот пошел в Германское море. Не думаю, что это было мудрое решение, ведь мы оставили без морского прикрытия свои города — Любек, Штральзунд, Гамбург, Росток и Висмар, да и все остальные. Но нас никто не спрашивал. Отцы городов великой Ганзы приказали, а наше дело — исполнять приказ. Мы два месяца крейсировали на рейде Брюгге, держали блокаду. И город капитулировал. Не успели мы пополнить запасы в мятежном городе, как нам отдали приказ идти вдоль датских берегов и захватывать датские суда, которые заняли пустое место, покуда мы торчали в Брюгге. Мы поплыли

назад, а тут буря. Нашу флотилию разметало в разные стороны, и только на Каттегате⁵ мы собрали все, что осталось. По Штральзундскому трактату мы еще имели право входить в любые датские порты, но по всему было видно, что датчане не очень рады нашему присутствию. Когда мы проходили пролив Большой Бельт, от рыбаков мы узнали, что датская королева Маргарита взяла в плен шведского короля Альбрехта и что его последний оплот — город Стокгольм — вот-вот падет: его блокировал огромный датский флот. Вот чего мы добились из-за этого мятежного города Брюгге! Стоило уйти из Балтики — даны все и захватили. Господи, прости меня грешного! Ясное дело, куда нам было биться с ними после того, как добрая треть нашей эскадры пропала в море? Вот тут-то отцы городов объявили, что берут в союзники морских пиратов — «вительеров», как вы говорите, отец Бартоломео. Вчерашних врагов и мятежников! Этот морской сброд теперь наши союзники! На палубах, когда собирали нас капитаны, мы прокричали: «Нет! Не бывать тому, чтобы честные мореходы и воины с этими собаками стояли борт о борт!» Господи, прости за богохульство! Но наши патроны решили расправиться с данами руками разбойников. Нам был отдан приказ идти во второй линии, за ними, и крейсировать вдоль берега Готланда.

Надо сказать, — продолжал капитан, — что морскими братьями, или, как они себя называли, «божьими братьями», командовали четыре главаря. Старшего звали Клаус Штертенберг — это самый хитрый из них. Вторым был Михельс, его помощник. Оба были немцы из Ростка, а может, из Гамбурга. Моряки умелые и очень коварные, как бестии. Два других —

Бальга. Побережье Фришес-Хаф (ныне Калининградский залив). Офорт XVII в.

Мольтке и Мантейфель. О них мало кто знал. Говорили, что один из Рюгена, а другой с острова Сааремаа, — я точно не знаю. Да и видел их только издали, когда они мимо проплывали. Базой своей они сделали город Висбю, что на Готланде. Флот у них был очень велик. Да и не мудрено: сколько рыбаков они похватили и поубивали, а корабли взяли себе... Сэр Томас, подлейте мне еще рейнского, а то в глотке пересохло. Сейчас, господа, я продолжу свой рассказ...

Капитан разом осушил свою кружку. Он утер бороду и, откашлявшись, продолжил повествование.

— Да... И вот пираты вышли в море из Висбю на деблокаду Стокгольма. Надо сказать, что город Стокгольм стоит как раз на входе в узкую длинную бухту и, чтобы в него попасть, надо пройти узкие ворота между скал. Вот это место и караулили датские военные корабли. Прорваться в город, чтобы провезти провизию, могли только люди очень смелые. Надо сказать,

что в Стокгольме жило много немцев и они совсем отчаялись получить помощь. Все их посыльные суда были перехвачены датчанами. Но город Любек заплатил пиратам много денег. А чтобы эта операция выглядела пристойно, города Росток и Висмар выдали им каперские патенты. Так что они шли в бой под ганзейскими флагами. Они уже были как бы на нашей службе. Нам же это было обидно, но что делать? У нас не было сил, да и расчет был расправиться с данами чужими руками. Но об этом молчок! Тихо, я об этом ничего не говорил!..

Все весело засмеялись...

— Итак, я продолжу, — проговорил капитан. — Что сделали «морские братья»? Они разбили свой флот на две части. На одной части судов были только воины, на другой — провиант для осажденного города. На рассвете первая колонна завязала бой с датскими кораблями и отвлекла их. А тем временем вторая колонна шла на прорыв. И так они делали много раз, пока

с города не была снята осада. В этих боях много погибло и датчан, и «морских братьев», но город получил свободу. С той поры за ними — «морскими братьями» и пиратами — закрепилась кличка «братья-кормильцы», а иногда их называли «продовольственные братья». Так и стала именовать их народная молва: «витальеры», от слова *vita* — «жизненный», «дарующий жизнь», а проще — «кормильцы».

— А как же ваш флот? Вы что, смотрели, как те дерутся?! — возбужденно зашумели лучники-англичане.

— Нет, мы ждали приказа. И он пришел: мы стали громить витальеров, мы опять принялись за них. Многие тогда мы побиили, но и многие скрылись в шведских шхерах, а часть ушла на Аландские острова. Туда уж мы не

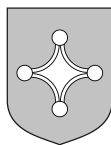
лезли, но, доложу я вам, там было страшно. Тех мест мы почти не знаем. Говорили, что у них там настоящее разбойничье гнездо и живут они в пещерах, как монахи... Но, извините меня, — заторопился капитан, — мне пора на мостик, к рулю: скоро Данциг.

На палубе после ухода капитана стало тихо, все присмирели. Истории увяли. И вдруг, набравшись смелости, молодой моряк, свободный от вахты, спросил:

— А может, господа желают услышать мою историю? Я тоже встречался с «братьями-кормильцами».

— Да ну? Садись-ка сюда!.. Налейте ему пива или вина... Давай свою историю, нам уже скучно стало, — сказал сэр Томас — ему было очень интересно.

(Продолжение следует.)

СНОСКИ

К статье Л.А. ЕФРЕМОВА «Археологические исследования в восточной части Калининградской области»

¹ История изучения памятников каменного века на территории Калининградской области в довоенный период // Проблемы балтийской археологии: сб. науч. тр. Вып.1. — Калининград, 2003. — С.7–8.

² Кулаков В. И. Дорогами Ульмеригии: исторический путеводитель. — Калининград, 2000. — С.21.

³ Мезолит СССР. (Археология СССР). — М., 1989. — С.56.

Библиографию работ В.И. Тимофеева см.: Деметьев И.О. Археология Юго-Восточной Прибалтики. Библиография на русском языке (1951-2002) // Проблемы балтийской археологии: сб. науч. тр. Вып.1. — Калининград, 2003. — С.141–150.

⁴ Hollack E. Erläuterungen zur vorgeschichtlichen Übersichtskarte von Ostpreußen. — Glogau-Berlin, 1908.

⁵ Kasswürm K. Alte Schlossberge und andere Überreste von Baumwerke aus der Vorzeit im Pregelgebiet Litauens // Schriften für Phüsikalisch-Ökonomischen Gesellschaft

zu Königsberg. — Königsberg, 1873. — Bd. XIV. — S.72–80.

⁶ Crome H., Grunert W. Verzeichnis der vor- und frühgeschichtlichen Wehranlagen im westlichen Nadrauen // Zeitschrift der Altertumsgesellschaft Insterburg. — Insterburg, 1935. — H.20. — S.1–11.

⁷ Grunert W. Die frühgeschichtliche Siedlung bei Deinen, Kr. Schlossberg Ostpreußen // Altpreußen. — 1943. — H.3. — S.6–11.

⁸ Grunert W. Nadrauer Grabungen // Zeitschrift der Altertumsgesellschaft Insterburg. — Insterburg, 1935. — H.20. — S.40.

⁹ Ibid. — S.28–40.

¹⁰ «Zeitschrift der Altertumsgesellschaft Insterburg»; «Nadrauen»; «Heimatkundliche Blätter».

¹¹ Altpreußische Biographie. — Marburg, 1975. — Bd.III. — S.934.

¹² Смирнова М. Е. Отчет об археологических раскопках на селище Ольховатка-2 Гусевского района Калининградской области в 1991 г. (Хранится на кафедре истории Балтийского региона КГУ. Б/н).

К статье А.С. НОВИКОВА «Судавский угол»

¹ Hennenberger C. Kurze und warhaftige Beschreibung des Landes zu Preußen. — Königsberg in Preußen, 1584. — S.40.

² Urkundenbuch des Bistums Samland. — H.3. — Leipzig, 1905. — S.292.

³ ПД. — С.137; PUB. — Bd.1. — H.2. — S.440.

⁴ ПД. — С.136.

⁵ ПД. — С.134.

⁶ Codex diplomaticus Prussicus. — Königsberg, 1836. — Bd.1. — S.181–182.

⁷ См. ПД. — С.139.

⁸ ПД. — С.132.

⁹ PUB. — Bd.1. — H.2. — S.486.

¹⁰ См. Geheimes Staatsarchiv Preußische Kulturbesitz, Ostpr. — Fol. 162. №3011 usw. (Диршкайм); №3434 usw. (Фишхаузен).

¹¹ Bink K. Das Sudawische Winkel. Geschichtlich // Sprachliche Untersuchung urkundlicher Quellen. Inaugural-Dissertation zur Erladung der Doktorwürde bei der Hohen philosophischen Fakultät der Albertus-Universität Königsberg. — Königsberg i. Pr., 1923. — S.18.

¹² Bink K. Op. cit. — S.12.

¹³ Bink K. Op. cit. — S.12.

¹⁴ Bink K. Op. cit. — S.18, 71 (mapa).

¹⁵ Bink K. Op. cit. — S.16, 18, 21.

¹⁶ Bink K. Op. cit. — S.25.

¹⁷ Der ungläubigen Sudauen ihrer bockheiligung mit sambt andern Ceremonien, so sie tzu brauchen gepflegeth // Mannhardt W. Letto preußische Götterlehre. — Döhren, 1971. — S.244–264.

¹⁸ Trautmann R. Altpreußischen Sprachdenkmäler. — Göttingen, 1910. — S.2, 8.

¹⁹ Gerullis G. Zur Sprache der Sudauen — Jatwinger // Festschrift Adalbert Bezzenberger zum 14. April 1921 dargebracht von seinen Freunden und Schülern. — Göttingen, 1921. — S.46.

²⁰ Hennenberger C. Grosse Landtafel von Preußen. — Königsberg i. Pr., 1863.

²¹ Bink K. Op. cit. — S.17.

²² Illustrissimi Principis ac Domini Domini Alberti, Marchionis Brand. Ducis Prussia & c. Constitutiones de Scholasticis, qui suae

Celsitudinis Beneficio & Stipendio in Studio optimum atrium aluntur & instruuntur in Academia Regiomontana // Arnoldt D. H. Ausführliche und mit Urkunden versehene Historie der Königsbergischen Universität: [der Albertus-Universität zu Königsberg in Preußen gewidmet zur 450-Jahrfeier ihrer Gründung 1544–1994]. Neudr.-Ausg. mit den Folgeschriften von J.F.Goldbeck und J.D.Metzger in 4 Bänden. — Aalen, 1994. — S.461; Cm. Toeppen M. Historisch-comparative Geographie von Preußen. — Gotha, 1858. — S.34, Anm.174.

²³ Die Matrikel der Universität Königsberg i. Pr. Hrsg. V.C.Erler. — Bd.1. — H.1. — Leipzig, 1908. — S.7.

²⁴ Johannes Poliander über den Bernstein und die Sudauen // Scriptores rerum Prussicarum. Die Geschichtsquellen der preußischen Vorzeit. Hrsg. v. W.Hubatsch, bearb. U.Arnold mit einer Einleitung von E.Maschke. — Bd.6. — Frankfurt am Main, 1968. — S.335; Cm. Menz A. Der Bernstein und Sudauer // Mitteilungen des Vereins für die Geschichte von Ost- Westpreußen. — 4.Jg. — Nr.4. — 1930. — S.61–66.

²⁵ Новиков А.С. Завоевание Судовии в прусских легендах («Легенда о колонне четырех братьев») // Балтийские исследования. — Калининград, 2002. — Вып.1. — С.81–85.

К статье Р.Ю. КАЧАНОВА «Орденские грамоты как источник по этнической истории Пруссии. Городская грамота Кенигсберга (Альтштадта)»

¹ Кушнер П.И. Этническое прошлое Юго-Восточной Прибалтики: опыт исторического изучения этнической территории. — Вильнюс, 1991. — С.156.

² Stadtrecht für Königsberg // Quellen zur Geschichte des Deutschen Ordens. — Hrsg. von

²⁶ Voigt J. Geschichte Preußens von den ältesten Zeiten bis zum Untergange der Herrschaft des deutschen Ordens. — Bd.4. Die Zeit von der Unterwerfung der Preußen 1283 bis zu Dietrich von Altenburg Tod 1341. — Königsberg, 1830. — S.119, 592, 593.

²⁷ Gerullis G. Zur Beurteilung des altpreußischen Enchiridions // Streitberg — Festgabe. — Leipzig, 1924. — S.100.

²⁸ Bink K. Op. cit. — S.2.

²⁹ Bink K. Op. cit. — S.24–29.

³⁰ M.Ch.Hartknoch. Alt- und Neues Preußen Oder Preußischer Historien. Zwey Theile: In derer erstem von deß Landes vorjähriger Gelegenheit und Nahmen, wie auch der Völcker, so darinnen vor dem Deutschen Orden gewohnet...; In dem andern aber von deß Deutschen Ordens Ursprung, desselben, wie auch der nachfolgenden Herrschaft vornehmsten Thaten und Kriegen, Erbauung der Städte... gehandelt wird / Auß vielen alten so wol als neuen, einheimischen als außwertigen Scribenten, Privilegien und andern Documenten... Mit sonderbahrem Fleiß zusammen getragen. — Franckfurt und Leipzig. In Verlegung Martin Hallervorden, Buchhändlern in Königsberg. Druckts Johann Andrece, 1684. — S.25a, 37a.

³¹ Bink K. Op. cit. — S.13.

³² Bink K. Op. cit. — S.13.

³³ Bink K. Op. cit. — S.13.

Walter Hubatsch. — S.118.

³ Ibid. — S.119–121.

⁴ Ibid. — S.123–125.

⁵ Древняя Русь в свете зарубежных исследований. — М., 1999. — С.275, 292.

ЛИТЕРАТУРА

К статье Е.А. Калашникова «Археологические работы на поселении Тимофеевка — Камсвикус в 2003 году»

Зверуго Я.Г. Древний Волковыск X–XIV вв. — Минск, 1975.

Кулаков В.И. Отчет о работе Балтийской экспедиции в 1985г. — 1985.

Кирпичников А.Н. снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. // САИ, 1973. Е 1–36.

Медведев А.М. Беларуское Понеманье в раннем железном веке. — Минск, 1996.

Медведев А.М. Влияние западных балтов на население культуры штрихованной керамики (по материалам керамики) // Ceramika zachodniobałtyjska od wczesnej epoki żelaza do początków ery nowożytnej. — Białystok, 1998.

Медведев А.Ф. О новгородских гривнах се-ребра // СА, 1963. — №2.

Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII–XIV вв. // САИ, 1966. Е 1–36.

Antoniewicz J., Okulicz J. Sprawozdanie z prac wykopaliskowych, przeprowadzonych w latach 1951–1954 w Jeziorku, pow. Giżycko // Materiały starożytne III. — Warszawa, 1958.

²⁸ Bliujėne A. Vikingų epochos kuršių papuošalų ornamentika. — Vilnius, 1999.

Boetticher A. Die Bau- und Kunstdenkmäler der Provinz Ostpreußen. — Königsberg/Pr., 1895. — Heft V. Litauen.

Dukša Z. Pinigai ir ju apyvarta / Lietuvių materialinė kultūra IX–XIII amžiuje / LTSR MA Is-

torijos in-tas: red. R. Volkaite-Kulikauskienė — Vilnius, 1978.

Hollack E. Erläuterungen zur vorgeschichtlichen Übersichtskarte von Ostpreußen. — Glogau-Berlin, 1908.

Hoffmann M.J. Żródła do kultury i osadnictwa południowo-wschodniej strefy nadbałtyckiej w I tysiącleciu p.n.e. — Olsztyn, 1999.

Kulikauskas P. Užnemunės Piliakalniai I–XIII a. — Vilnius, 1982.

Volkaitė-Kulikauskienė. Ginklai. Lietuvių materialinė kultūra IX–XIII amžiuje / LTSR MA Istorijos in-tas: red. R. Volkaitė-Kulikauskienė — Vilnius, 1978.

Weise E. Handbuch der historischen Stätten Ost- und Westpreußen. — Stuttgart, 1981.

К статье Г.В. Каштановой-Ерофеевой «Пруссы: язык, верования, судьба. (Этнолингвистическая справка)»

Всемирный биографический энциклопедический словарь / гл. ред. А.П. Горкин. — М.: Большая Российская энциклопедия, 2000.

Кулаков В.И. От Восточной Пруссии до Калининградской области: исторический путеводитель. — Калининград: Пром. тип. «Б-К», 2002. — (Калининград и область).]

Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. — М.: Сов. энциклопедия, 1990.

Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С.А. Токарев. — М.: Сов. энциклопедия, 1991. — Т.1. — М.: Сов. энциклопедия, 1992. — Т.2.

Народы мира: историко-этнографический

справочник / гл. ред. Ю.В. Бромлей. — М.: Сов. энциклопедия, 1988.

Grunert Walter. Die Bevölkerung der Stadt Insterburg und ihre Herkunft // Insterburg im Bild. Bd.1–2 / Gesamtgestaltung: Gerhard Ulrich, München. Herausgeber: Kreisgemeinschaften Insterburg Stadt und -Land e. V. Druck: Druckerei Gerhard Rautenberg, 2950 Leer. 4. Auflage, 1988. — Bd.1. S.37–49; [Публикация на рус.яз.]: Грунерт Вальтер. Население города Инстербурга и его происхождение / пер. с нем. Л.В.Климовой // Полюс + ТВ. — 2005. — 9 сентября, 7 октября, 11 ноября, 23 декабря. — 2006. — 20 января, 17 марта, 7 апреля.

ПРИМЕЧАНИЯ

К повести М.Г. Гусакова «Витальеры»

¹ Висмар — город на Балтийском море, ныне один из крупнейших рыболовецких портов Германии; известен архитектурными памятниками XIV — XVI вв.

² Святой Лазарь — евангельский святой, тело которого было покрыто многочисленными струпьями; был воскрешен из мертвых Иисусом Христом.

³ Маргарита Датская (Маргрете I) (1353–1412) — королева Дании, Норвегии (с 1387) и Швеции (с 1389); инициатор объединения Дании, Норвегии (с Исландией) и Швеции

(с Финляндией) под верховной властью датских королей — Кальмарской унии (1397–1523).

⁴ Сконе [Сконе] — полуостров на юге Швеции, омываемый Балтийским морем и проливом Эресунн; вдается в море на 100 км; на нем расположены города Мальмё и Лунд; до 1658 принадлежал Дании.

⁵ Каттегат — пролив между вост. берегом п-ова Ютландия и Скандинавским п-овом; соединяет Балтийское море с Северным (через пролив Скагеррак).

Содержание

ПРОШЛОЕ — НАСТОЯЩЕЕ: ПРОБЛЕМА, ПОИСК, РЕШЕНИЕ

Михаил ГУСАКОВ
Археология. XXI век. 2

ПО ТУ СТОРОНУ ДНЕЙ

Алексей ОГЛЕЗНЕВ
О конференции
«Судьба человека — судьба земли»
в замке Инстербург 10

Леонид ЕФРЕМОВ
Археологические исследования в
восточной части Калининградской
области. 11

Евгений КАЛАШНИКОВ
Археологические работы
на поселении Тимофеевка —
Камсвикус в 2003 году. 17

Александр НОВИКОВ
«Судавский угол». 22

Роман КАЧАНОВ
Орденские грамоты как источник
по этнической истории Пруссии.
Городская грамота Кёнигсберга
(Альтштадта) 28

Андрей СМЕРНОВ
О работе над изометрической
реконструкцией замков Надровии . 30

Галина КАШТАНОВА-ЕРОФЕЕВА
Прусы: язык, верования, судьба
(Этнолингвистическая справка) . . . 32

Алексей ЛАЛЭКО
О краеведении и средствах
массовой информации 43
Некоторые замечания
от редакции 44

ФАКТЫ И ОБРАЗЫ

Михаил ГУСАКОВ
Витальеры 46
Сноски. Литература. Примечания . 53

Историко-краеведческий журнал

Издатели: И.В. Ерофеев,
Г.В. Каштанова-Ерофеева
E-mail: eroff_iv@mail.ru,
gke-nba@mail.ru

Идея журнала: Г.Ф. Разумный

Редакционная коллегия:
И.В. Ерофеев, Г.В. Каштанова-
Ерофеева, Л.В. Климова,
А.К. Оглезнев

63 Клд + 95

Н 17

Надровия: историко-
краеведческий журнал /
ред.-сост. И.В. Ерофеев,
Г.В. Каштанова-Ерофеева.
— Черняховск. — 2009. —
№ 6. — 56 с.: ил.

Н 17

© Издатели, коллектив авторов

*При использовании
публикаций ссылка на журнал
обязательна.*

Корректурa: Г.В. Каштанова-
Ерофеева

Верстка: Е.Г. Дорофеев

Подписано в печать 18.06.2009 г.
Формат 60×84 1/16. Гарнитура
«Ариал». Ризограф. Усл. печ. л. 3,5.
Уч.-изд. л. 3,1. Тираж 300 экз.
Заказ 159.

Отпечатано полиграфическим
участком Издательства РГУ
им. И. Канта. 236041,
г. Калининград, ул. А.Невского, 14

Осенью 2008 года в замке Инстербург была проведена часть работ по консервации руин.
Фото: Галина Каштанова-Ерофеева.

На 1-й стр. обложки:

Улицы старого Инстербурга. Фахверковые строения на Лютеркирхенштрассе (не сохранилась). («Инстербургер бриф», 1969, №5/6.)

На 4-й стр. обложки:

В Музее истории (г.Черняховск Калининградской области). Фото: Светлана Зарецкая.

Музей истории открыт 5 сентября 2008 года предпринимателем Владимиром Яновским, который давно интересуется историей и занимается коллекционированием более двух десятков лет. В экспозициях музея — предметные свидетельства разных эпох: от древности до мировых войн XX века. Посетить его могут все желающие. Для детей и учащихся — билеты льготные.

Адрес: ул.Крупской, 6.
Тел./факс: 8(40141) 3-20-72.
E-mail: museum_wj@in-mail.ru
<http://www.musej.ucoz.ru>

Часы работы: 10.00–17.00.
Выходной — понедельник.

